

Наталья Самсонова

Невеста вне Отбора

16+

Наталья Самсонова

Невеста вне отбора

«Автор»

2018

Самсонова Н. А.

Невеста вне отбора / Н. А. Самсонова — «Автор», 2018

В семнадцать лет Катти мечтала оказаться в числе избранниц принца. Но в двадцать заветное желание стало болью - из-за несчастного случая она обзавелась тростью. Вот только судьба все равно решила исполнить мечту и на голове Катти загорелся венец невесты-избранницы. Насмешка судьбы или издевка? Или, все же, шанс на счастье... Альтгар, один из сильнейших магов королевства, презирает участниц отбора. Он знает, что им нужен только статус и золото. Особенно сильно его раздражает Катарина ван Ретт. Эта девица не постеснялась даже хромоты! Для обложки использованы стоковые фотографии

© Самсонова Н. А., 2018

© Автор, 2018

Наталья Самсонова

Невеста вне отбора

ГЛАВА 1

Катарина ван Ретт бросила короткий взгляд в ростовое зеркало и, скривив пухлые губы, отвернулась. Вот уж чего она не хочет – так это любоваться собой. Спасибо, она помнит, как выглядит. И как выглядит венец избранницы принца – тоже.

Яркое платье для верховых прогулок, удобная обувь и неизменная мужская трость – какая разница, насколько красива девушка, если она хромает? И не может забраться на лошадь без посторонней помощи.

– Катарина, милая, ты проснулась?

В комнату заглянула эйта Анна Талем, няня Катарины.

– Как ты думаешь, нянюшка, имеет смысл срочно искать любовника?

– Катарина, порядочная мэдчен даже не думает о таких вещах, – сурово произнесла невысокая женщина. От уголков ее добрых глаз расходились лучики морщинок.

– Порядочные мэдчен, нянюшка, не хромают на правую ногу. Не падают, теряя равновесие. Они милы, обходительны и способны протанцевать хоть всю ночь напролет.

– В любом случае, Катти, девственную плеву невесты проверяют только тогда, когда этого хочет жених. А чтобы жених захотел проверить тебя, – няня покачала головой, – вначале нужно победить в Отборе невест.

– А отсидеться не получится? – с надеждой спросила Катарина.

– Ты хоть знаешь, сколько знатных мэдчен не попали в этот Отбор? Как они тебе завидуют, девочка, как завидуют...

– А я завидую им, – тихо шепнула Катти. – У них есть то, чего нет у меня. У меня есть то, что нужно им. Я бы поменялась.

– Ну-ну, милая, все забудется как страшный сон.

Няня безмерно любила Катарину. Где-то в глубине души она считала ее своей внучкой – ведь эйта Талем была кормилицей матери Катарины.

– Твоя семья любит тебя, Катти.

– Знаешь, нянюшка, иногда мне кажется, что из всей моей семьи есть только ты, – тихо сказала Катарина. – Я бы предпочла остаться в поместье. С тобой.

Что хотела ответить няня, осталось тайной – в комнату зашла служанка и сообщила, что для конной прогулки все подготовлено.

– Какая прогулка? – ахнула нянюшка.

Катарина невинно улыбнулась и пропела:

– Конная, нянюшка. Неужели ты не слышала? Хочу вот по городу прокатиться, венец свой всем показать. Похвастать. Ты же сама говорила, что мне все завидуют.

Вглядевшись в серо-зеленые глаза своей воспитанницы, эйта Анна покачала головой:

– Подумай дважды, прежде чем сделать глупость.

– Обдуманная глупость – уже не глупость, а неправильно принятое решение, – фыркнула Катти и резко развернулась.

К сожалению, все, что было доступно мэдчен ван Ретт, – это вот такие вот драматичные развороты. Зато быстро уйти она не могла даже с тростью. Потому старенькой нянюшке не составило труда нагнать свою воспитанницу.

– Ты даже волосы не прибрала, Катти.

– Это модно, няня. Если у мэдчен есть головной убор, – Катарина выразительно показала на платиновый венец, лежащий на пепельных прядях, – то заплетать косы не обязательно.

Катти первой подошла к лестнице и, перехватив трость в левую руку, правой крепко вцепилась в перила. Как она просила отца поселить ее на первом этаже – не передать словами. Но нет, не снизошел дерр ван Ретт до ее молитв.

Внизу лестницы ждал грязный, оборванный мальчишка. Из тех, что помогают конюху.

– Мэдчен ван Ретт.

– Тим, ты собрал? – тут же улыбнулась Катарина.

– Да, мэдчен, вот он, целый мешок отборных камней! – засиял мальчишка.

Охнув, няня схватилась за сердце.

– Зачем тебе камни, Катти?

– Я могу поклясться, нянюшка, что кидать ими в людей не буду, – честно сказала мэдчен ван Ретт. – Но если вдруг попаду в кого – это будет чистая случайность.

Тим, получив монетку, унесся совершенно счастливым – мэдчен Катти, как ее называли слуги, никогда не обманывала. И если обещала приплатить за работу, то давала серебрушку. А это ого-го сколько!

– Катти, милая, – няня вцепилась в руку своей воспитанницы, – прими правильное решение и останься дома. Венец не позволит тебе вступить в близкие отношения с мужчиной! Да и кого ты сейчас найдешь?! Ты выбрана, уже ничего не изменить!

– Няня, про срочный поиск любовника я шутила, – улыбнулась Катарина. – Да и потом, неужели и знатные моры, и свободные эйты ходят на свидания с мешком камней?

– Нет, но мне страшно думать, для чего он тебе нужен.

Выйдя на широкое крыльцо, Катти сощурилась от яркого весеннего солнца.

– Ах ты ж ирод! Ты кого для мэдчен оседлал? Неужто на конюшне смирные кобылки закончились?!

Няня, невзирая на свой возраст, хищным коршуном налетела на конюха. Еще бы, огромный черный жеребец и саму Катарину испугал до дрожащих колен.

– Да смирный он, смирный, угомонись, старая. Дерр ван Ретт сыну его купил. А у жеребца характера совсем нет. Посмотри на него.

Катти подошла ближе и погладила жеребца по сильной шее.

– Он пуглив?

– Нет, мэдчен. Просто смирный как мерин. В галоп не идет, у барьеров останавливается. Младший дерр ван Ретт велел на скотобойню отдать, – конюх опустил голову, – а тут вы решили на прогулку. Вот я и подумал, у вас-то кобылки нет. Может, он вам и глянется.

– Уже глянулся, – уверенно произнесла Катти. – Мне барьеры и галоп – не нужны.

Вытащив из потайного кармашка семечко व्यюна, Катти бросила его на землю и щелкнула пальцами. В тот же миг жесткая лиана, выросшая из крохотного семени, подхватила мэдчен и усадила в седло.

– Мэдчен способности даны не для того, чтобы ими направо и налево пользоваться, – укоризненно произнесла няня. – Ты способности своим детям передать должна.

– Няня, но они ведь не кончатся! – возмутилась Катарина. – Эйт Фовер, подайте, пожалуйста, мою трость, я ее выронила.

Фовер подобрал трость, но не протянул ее Катарине, а ловко прицепил к седлу:

– У меня было время, чтобы придумать, как половчее вашу трость к седлу приторочить.

– Спасибо, эйт Фовер.

Подобрав поводья Катарина, послала жеребца по подъездной аллее к воротам. И только оказавшись на улице, поняла – имени своего коня она не знает.

– Ну ничего, сегодня как-нибудь так, а потом спросим у эйта Фовера, как тебя зовут.

Столица утопала в цветах. Катти рассматривала убранство и думала, как бы она обрадовалась, если бы была простой наблюдательницей Отбора невест.

Нет, когда ей было семнадцать она, как и все, мечтала оказаться среди избранниц. Но не сейчас. Что она может? Станцевать с тростью? Читать наперегонки? Последние три года она и ее трость неразлучны. Зато библиотека семьи ван Ретт серьезно пополнилась – делать-то ей больше нечего.

Катти мягко причмокнула и направила жеребца в узкий проход между домами. Лихих людей она не боялась – платиновый венец на ее голове был делом рук белаторов, сильнейших магов страны. И вот уже двести лет как это творение защищало невест-избранниц. По большей части его сделали для сохранения чистоты помыслов как девиц, так и принца. Но и от иных случайностей тоже защищало.

Наконец Катарина увидела башню белаторов. Глухо черная, она будто отрицала весенний праздник Отбора невест. И да, у нее действительно не было входа. Как и говорил брат. Зато имелись окна.

– Ну уж нет, дерры белаторы, я не уйду, – фыркнула Катарина.

Развязав тесьму мешка, она вытащила первый камень и запустила его в ближайшее окошко. Один, второй, третий – либо стекло разобьется, либо кто-нибудь обратит на нее внимание.

Ни одно, ни другое – в окно выглянул мужчина, но камень уже летел. Катарина независимо пожала плечами:

– А говорят, белаторы – сильнейшие маги, высшая ступень... Что ж ты щит-то не выставил?

Но главное было сделано – на глянцево-черном теле башни проявилась дверь.

Так же вырастив лиану, Катти оказалась на земле и привязала поводья жеребца к своему растительному творению. Взяв трость, она уверенно похромала к сияющей двери. Белаторы на нее этот венец нацепили, пусть они и снимают! А то выдумали, право слово, хромая избранница!

Темная витая лестница несколько охладила пыл Катарина. Стало понятно – это еще одно препятствие на пути к белаторам.

– Ничего, когда-нибудь я доползу, – подбодрила себя Катти.

И через секунду вознесла хвалу богам за привычку придерживаться стены – лестница под ногами ощутимо вздрогнула и пришла в движение.

Крепко стиснув зубы, Катти присела на ступеньку и вцепилась в трость. Она не завизжит, пусть даже не надеются.

Движущаяся лестница привела к квадратной площадке, зависшей посреди пустоты.

– Чтоб вас приподняло и прихлопнуло, выпендрежники, – судорожно выдохнула Катти и ступила на площадку.

Она не стала ждать милости и, бросив зернышко на камень, вырастила чахлую лиану, за которую и уцепилась. Упасть вниз не хотелось. Нет, Катти подозревала, что умереть ей не дадут. Но и лететь вниз, сверкая нижними юбками... увольте. Мэдчен ван Ретт предпочитает падать с яблони. Только тсс, об этом – никому!

Площадка парила мягко и, пронеся Катти мимо десятка дверей, остановилась у освещенного открытого прохода. Там, за ярко освещенным порогом, находился богато обставленный кабинет. За широким столом сидел светловолосый юноша со ссадиной на лбу. Рядом с ним стоял высокий, хорошо сложенный мужчина. Его темные волосы не были длинными, как того требовала мода благородных дерров, но и короткими, как у простого эйта, тоже не были. Прямые темные пряди едва-едва достигали мочек ушей.

«Приятная внешность», – подумала Катти. И тут же вздрогнула от ледяного, какого-то злого взгляда светло-голубых глаз. «Приятная внешность с неприятным характером», – поправилась Катарина и смело шагнула через порог. Трость мягко постукивала по толстому ковру.

– А вот и седьмая невеста-избранница, – с усмешкой произнес «приятный мужчина с неприятным характером». – И, наверное, у нее неотложная просьба.

Катарина изобразила подобие реверанса, выпрямилась и четко произнесла:

– Доброго дня, белаторы. Пусть благословение богов не оставляет вас всю жизнь и немного после. Мое имя Катарина ван Ретт, и у меня действительно есть к вам просьба.

– А не дерры белаторы? – поддел ее все тот же темноволосый маг.

– Говорить дерр белатор – неправильно, – спокойно произнесла Катти. – Потому что «дерр» – обращение к благородному мужчине, «белатор» – то же самое, только мужчина в этом случае обладает запредельными магическими силами. Правда, эти самые силы не гарантируют хорошего воспитания, верно, белаторы?

– Дерры белаторы – благозвучней. Мое имя Ивьен, а это мой друг и наставник Альтгар, – представил младший маг. – Итак, что за нужда заставила вас, мэдчен ван Ретт, прийти в нашу башню? И постучать столь оригинальным способом? – и белатор Ивьен коснулся ссадины на лбу.

– Со всем уважением, – при этом тон белатора Альтгара говорил о чем угодно, кроме уважения, – но мне недосуг выслушивать пожелания зазнайки. Хочу заметить, мэдчен ван Ретт, иллюзорная корона на вашей голове – вовсе не гарант королевского Венца.

Пройдя мимо опешившей Катарины, Альтгар вышел из кабинета.

– Он немного груб, но очень хороший специалист, – развел руками Ивьен. – У нас просто уже паломничество невест состоялось. Говорите, мэдчен, я постараюсь вам помочь. Но помните, что мы белаторы, а не боги.

Катарина поймала себя на том, что стоит, нелепо приоткрыв рот. Поджав губы, она сделала несколько шагов к столу и, выставив перед собой трость, оперлась на нее обеими руками:

– Я бы хотела, белатор Ивьен, чтобы вы исключили меня из числа невест-избранниц.

Настала очередь Ивьена замереть с приоткрытым ртом.

– Простите?

– Прощаю, – качнула головой Катти и пояснила: – Как мне кажется, даже предположить, что у Келестина может быть хромая королева, – это немного чересчур. До начала Отбора время есть. И только представьте, что завтра утром кто-то из более подходящих невест проснется и заплачет от счастья.

– Милая мэдчен, – осторожно начал говорить Ивьен, – я бы с радостью, правда. Ваше желание... оно необычное, но увы, мы не боги. Иллюзорный венец развеется только тогда, когда настоящий королевский Венец коснется головы одной из невест. Только так.

– Неужели вам меня не жаль? – глухо спросила Катарина.

Белатор Ивьен вышел из-за стола и встал перед мэдчен ван Ретт на одно колено:

– Я готов поклясться собой и своей магией, что иного способа снять венец нет.

– Но почему меня выбрали? Неужели там все такие? Как проходил Отбор? Из всего королевства подошло... сколько девиц подошло?

– Семь.

– Семь? – ахнула Катарина. – Но ведь отец принца выбирал из двух сотен. А дед из пятисот!

– Принц максимально сузил параметры. – Ивьен встал. – Мы подозреваем, что он выбрал кого-то конкретного. Простите, мэдчен, но его высочество находился в комнате с артефактом один. И что за настройки он внес... мы можем только догадываться.

– И о чем вы догадываетесь?

– Внешность. Все невесты удивительно похожи между собой. Высокий, для женщины, рост, густые пепельные волосы, светлые глаза. Вы немного выбиваетесь из общего ряда... – Ивьен замялся. – У вас губы, такие, гм...

– Пухлые, – вздохнула Катарина.

– Очень, – кивнул белатор и тут же спохватился: – Но вам они очень идут. Кому-то другому не пошли бы, а вам – очень.

Повисла неловкая тишина. Катти переступила с ноги на ногу и попросила:

– Пусть ваша лестница доставит меня вниз.

– Вы ничего другого не хотите пожелать?

– Здоровую ногу, – огрызнулась Катарина. – Но белатор меня уже смотрел. Ни шанса.

Ивьен волнообразно махнул рукой, и на голой кирпичной кладке проявились контуры двери.

– Мэдчен, венец защитит вас от яда и от проклятий, наложенных на личные вещи. И, – белатор подхватил со стола тонкую книжицу, – возьмите. Здесь написано, что невестам нельзя делать друг с другом.

– Спасибо.

В обратный путь ей не пришлось плыть по воздуху – лестница началась от порога. Значит, они хотели посмотреть на ее реакцию? Зачем?

Выйдя на яркое солнце, Катарина чуть сощурилась, глубоко вдохнула наполненный цветочным ароматом воздух и шагнула вперед. Под правую ногу попал камень, и только хорошая реакция помешала ей упасть в пыль.

Выровняв дыхание, Катти отошла от башни и ахнула – ее конь умудрился объесть магическую лиану.

– Обжора, – вздохнула Катти и усмехнулась. – Вот так тебя и буду звать. Это ж надо, слопать магическое растение.

Конь только фыркнул в ответ на ворчание новой хозяйки. Покачав головой, Катарина отцепила поводья, и обкусанная, полысевшая лиана вновь подняла ее в седло. Бросив взгляд на окна башни, мэдчен ван Ретт подавила желание запустить в уже знакомое окно всеми оставшимися камнями.

Гордо вскинув голову, она направила Обжору домой. И ладно. С другой стороны, кто еще может себе позволить провести месяц при дворе его величества? Да и новый гардероб от лучших портных за счет королевской казны. Драгоценные украшения, врученные принцем за каждый пройденный этап Отбора. Все это делает ее завидной невестой. Нужно всего лишь пережить месяц.

ГЛАВА 2

Катарина даже не представляла, что из-за коня ей придется выдержать настоящую битву. Конечно, родители очень хотели сына, из-за чего долгожданный наследник вырос весьма избалованным. Но вот что Леандер будет требовать убить Обжору, лишь бы он не достался старшей сестре, – нет, это было за гранью понимания Катти.

По счастью, Обжора принадлежал к редкой породе и стоил, невзирая на свой флегматичный нрав, очень дорого. Потому отец строго посмотрел на пошедшего красными пятнами сына и внушительно произнес:

– Я позволил тебе самостоятельно выбрать коня. Ты увидел самого массивного и красивого жеребца и сразу же его купил. Ты не расспросил о нем конюха или заводчика. Вижу – хочу. Новую лошадь ты получишь только в следующем году. А Фарнвард достанется Катарине. И я не позволю убить настолько дорогое животное.

– Спасибо, отец! – Катти изобразила реверанс.

– Но и ты, Катарина, тоже неправа. Конь принадлежал твоему брату, и прежде чем его брать, тебе стоило спросить на то разрешения.

Кивнув, Катти улыбнулась и легко извинилась. Подставлять эйта Фовера она не собиралась. То, из-за чего ее лишь пожурят, конюху может стоить работы.

Наведя порядок в семье, Линдгард ван Ретт удовлетворенно вздохнул и удалился в свой кабинет. Бросив напоследок, что Катарину ожидает мора ван Ретт. В сиреневой гостиной.

– Когда будет конкурс Симпатий, – ядовито прошипел Леандер, – свой цветок я отдам не тебе.

– И отец откусит тебе голову, – не менее ядовито отозвалась Катти, – потому что на публике семья должна быть едина.

Мама давно объяснила Катти, что брат ревнует. И ревнует не родителей, нет. Ревнует к магии – самой Катарине передались способности моры ван Ретт. А вот Леандер пошел в отца. Ни крошки таланта.

Правда, старший дерр ван Ретт был чрезвычайно умен и в молодости десять лет служил в королевской гвардии. Катти с нетерпением ожидала, когда в брате, наконец, проснется мужское начало и из капризного ребенка он станет благородным юношей. Нянюшка изредка ворчала, что взросление Леандера подзатынулось. Но как-то серьезней критиковать молодого дерра никто не смел.

Бросив на сестру презрительный взгляд, Леандер, печата шаг, ушел. Катти только фыркнула и пошла к парадной лестнице. В Сиреневую гостиную можно попасть двумя путями: через главный холл или через домашнюю винтовую лестницу. Последняя для Катарины была сложно преодолима.

Последнее время мэдчен ван Ретт ловила себя на мысли, что с годами разница в возрасте между ней и братом не сглаживается. В том смысле, что Леандер будто застыл в детстве. Все еще пытается пробудить в себе дар к общей магии, хотя всем известно – если магия до шестнадцати лет не проснулась, все. Уже не проснется. А ему семнадцать.

Но упрямец вычитал, что третий глава Ордена белаторов, живший в незапамятное время, обрел дар в середине жизни. И как Катти ни пыталась объяснить брату, что восемьсот лет назад средняя продолжительность жизни у людей была около тридцати лет, – он не верил. И напоминал о том, что маги живут дольше. Но ведь летопись писал не маг! И нельзя быть уверенным, о чьей «середине жизни» говорится.

В любом случае ей приказали оставить младшего брата в покое. И не кичиться своим даром. Сиречь, ей фактически запретили применять магию. А ведь это так же естественно, как и дышать. Тогда-то Катарина и привыкла всюду носить с собой мешочек с семенами выюнка. И не только.

Спустившись по лестнице и пройдя через холл, Катти уверенно отодвинула тяжелую портьеру и, через узкую дверь, вошла в коридор для слуг. Увы, в любимую гостиную матери она могла прийти только через ход для прислуги. Но зато благодаря этому несколько раз заставляла мору ван Ретт врасплох. Что сблизило мать и дочь сильнее, чем принято.

Так и сейчас, открыв неприметную дверцу, Катти хихикнула – матушка изволила сидеть в кресле. Казалось бы, что такого? Но почтенная мора забралась на атлас обивки с ногами. И, сбросив туфельки, качала ножкой, которая, вот ужас, была обнажена по самую щиколотку.

Она явно была не одна – с подлокотника другого кресла свешивались чьи-то ноги в узких штанах и ботинках.

– Катти, ты долго, – недовольно произнесла мора ван Ретт. – Познакомься, моя прошлая наставница и твоя будущая дуэнья. Мора Германика Ровейн.

– Приятно познакомиться, мора Ровейн. Дуэнья? – Катти осторожно подошла ближе.

– На Отборе невест у каждой избранницы есть дуэнья, – охотно пояснила мора ван Ретт. – Это новшество. Ах, они хотят сделать все, как в стародавние времена.

– А ты в курсе, что в стародавние времена последним конкурсом было принятие родов? – хихикнула «дуэнья». – Иди сюда, девочка, дай на тебя посмотреть!

Катарина подошла к матери и встала с ней рядом. И как никогда порадовалась, что трость помогает ей удерживать равновесие.

Мора Германика Ровейн казалась весьма эксцентричной особой – белоснежная мужская рубашка, узкие брюки и короткий черный корсаж. Вокруг бедер находилось нечто непонятное – как будто складки короткой юбки или фалды сюртука.

– Ах, Сабрина, у тебя получился дивный цветок, – искренне восхитилась мора Ровейн. – Удивительно, что ей двадцать, а бутон никем не помят. Наш принц везунчик.

Почувствовав, как загорелись щеки, Катарина метнула в насмешницу сердитый взгляд и демонстративно пристукнула тростью.

– О, ты намекаешь на хромоту? Милая, ты же не скаковая лошадь, – фыркнула мора Ровейн и сдула с носа белоснежную прядь. – Поверь, есть вещи, которые в положении «лежа» абсолютно не важны. Это рост и ноги. Если ноги есть и даже могут двигаться, все, вполне достаточно.

– Что ж, мора Ровейн, видимо, мужчины не разделяют вашу точку зрения, – сдержанно ответила Катти.

– Или ты не встречала мужчин, – хмыкнула насмешница. – Сабрина, почему она хромает? У рода ван Ретт внезапно кончились деньги?

– Белатор, приглашенный моим супругом, сказал, что ничего сделать нельзя.

– Мне вырастили новую руку. – Мора Ровейн вытянула правую руку и пошевелила тонкими, сухими пальцами. – Давайте отрежем девочке ногу. А что? Если нельзя вылечить, пусть вырастят новую. Уснет, проснется – и уже здорова.

Катарина тихонько пискнула и попробовала незаметно отступить назад. За кресло матери. Но наступила себе на подол и свалилась на пол.

Мора Ровейн высунулась из своего кресла, наблюдая за ней.

– Мне кажется, мы только что видели доказательство того, что подобное вмешательство необходимо.

Поднявшись, она подошла к Катарине и помогла той встать. После чего усадила в кресло, а для себя подтащила пуф.

– Прости за такое знакомство, мэдчен ван Ретт. Но человек я в общении малопрятный, и теперь ты это знаешь. Зато я всегда буду на твоей стороне.

– А кто вы? – спросила Катти, пытаясь выровнять дыхание.

– Наставница твоей матери. И, предвосхищая твой вопрос, мне семьдесят два года, а это молодое личико не более чем иллюзия. Зато волосы белые от природы.

– А зачем?

– Иллюзия? – Мора Ровейн вскинула тонкие, черные брови и хмыкнула. – Угадай. Может, я люблю соблазнять молоденьких мальчиков и в самый ответственный момент скидывать иллюзию? Или скрываюсь. Или стесняюсь возраста. Причин много, но нужны ли они тебе? Ведь ни ты на мою иллюзию, ни она на тебя повлиять не могут.

И мора подмигнула своей новой подопечной.

– Я раньше вас не видела.

– Твой отец меня не очень любит. И все же, почему все так красиво обошли тему с белаторами и исцелением?

– В любом случае, перед Отбором никакое вмешательство в организм невесты-избранницы – невозможно, – жестко произнесла мора ван Ретт и мягче добавила: – Герм, не травми Катти душу. Мы живем с этим уже три года. После несчастного случая девочка неделю пролежала в горячке.

– А что за случай?

Катарина отвела глаза. Она обещала никогда и никому не рассказывать. Мора ван Ретт пожала плечами и спокойно спросила:

– Так почему, говоришь, ты носишь иллюзию, дорогая наставница?

– Как с вами тяжело, – проворчала мора Ровейн. – Что ж, мэдчен ван Ретт, раз уж мы с вами соблюли приличия, извольте пройти на выход. Мы отправляемся к королевскому портному. Увы, мэтр Баско считает ниже своего достоинства приезжать лично куда-либо кроме двора его величества.

– Катти, когда вернешься – зайди ко мне, – улыбнулась мора ван Ретт. – У меня будет для тебя подарок.

Неуверенно улыбнувшись, Катарина кивнула и встала с кресла.

– Показывай свою дорогу, – велела мора Ровейн.

– Может быть, заглянем на кухню? Я пропустила завтрак и голодна. Съесть булочку и выпить стакан молока – не долго.

– Булочки с молоком? – переспросила дуэнья и хмыкнула. – Почему бы и нет. Только давай возьмем это все с собой. Мэтр Баско – обидчивый мерзавец. И если он решит, что мы опоздали...Хуже тебе наряды никто пошить не сможет.

– Тогда можно будет пошить не у него, – фыркнула Катарина.

– Можно, но за свой счет. Возражения? Да ладно, потерпи немного. Талия тоньше будет.

Катарина напонила себе, что мора Ровейн пару минут назад честно предупредила о своем невыносимом характере. И о том, что в некотором смысле дуэнья права – Катти мало двигается, и ей бы стоило ограничить потребление мучного. Правда, легче от всех этих правильных размышлений не становилось.

– Почему мужская трость? Не кукусь, я куплю тебе пряник.

– Много лет назад отец ходил с тростью. А потом, когда она стала не нужна, оставил ее в нашем загородном доме. Мы с няней жили там последние три года, – Катарина грустно улыбнулась, – пока венец не появился. А следом за ним гонец, карета...Все это.

– И ты хочешь меня убедить, что на самом деле не желаешь принять участие в Отборе? – сощурилась мора Ровейн. – Расскажи-ка это кому-нибудь другому.

Мэдчен ван Ретт вспыхнула до корней волос.

– То, что раньше я, как и все, хотела...

– А сейчас? Устав от тишины и запустения поместья, посмотри мне в глаза и скажи, что ты не хочешь. – Мора Ровейн резко развернулась. – Не хочешь доказать миру, что со своей палкой ничуть не хуже других. Ты не сменила отцовскую трость на зонт. Чудный, кружевной дамский зонтик, который бы выполнял функции трости и был бы более приемлем для юной мэдчен. Нет, ты кидаешь свою хромоту всем в лицо, ты ее не скрываешь. Несчастные, сломленные люди сутулятся. У тебя ровный разворот плеч и прямая спина.

– Все это – плоды воспитания, мора Ровейн, – спокойно сказала Катарина.

– Я знаю, что я права. И ты, Цветочек, тоже это знаешь.

– Я ездила к белаторам и просила снять с меня венец, – возразила мэдчен ван Ретт.

– М-м-м, умоляла? Плакала? Может быть, встала на колени?

– Всего лишь попросила, – сдержанно заметила Катти. – Думаю, будь это возможно, мне бы помогли.

Выйдя в холл, Катти негромко спросила:

– Вы верхом?

– В карете, – скривилась мора Ровейн. – Твоя матушка настояла. Сказала, что ее Цветочек верхом не ездит.

– Что ж, она вам чуть-чуть соврала. Но пусть будет так.

Кареты Катарина не любила. Тряско, душно и страшно. Очень страшно. Прямо таки до холодного пота и закушенной губы. И, усевшись, она отвернулась от пытливого, внимательного взгляда – дуэнья будто что-то хотела прочесть по лицу мэдчен ван Ретт. Хвала богам, ей хватило чувства такта не беспокоить подопечную.

Когда карета остановилась, мора Ровейн соскочила на землю первой и взмахом руки создала для Катаринины дымные ступени с одним высоким поручнем.

Спустившись, Катти поблагодарила дуэнью. И подавила невежливый вопрос: что за дар такой интересный у моры Ровейн? Про женщин-белаторов Катарина никогда не слышала. Что тогда? Германика управляет воздухом? Не очень похоже...

– Это дворец? – ахнула Катти, оглядевшись.

– Ты не смотрела, куда мы едем? – удивилась мора Ровейн.

– А должна была? – еще больше удивилась Катарина.

Потерявшись от такой наивности, Германика передернула плечами и негромко произнесла:

– Это часть дворцового комплекса. Сам дворец южнее, он, как ты должна знать, расположен в центре озера. Малый дворец для придворных соединен с ним галереей. С нее, кстати, очень удобно топить.

– Что?

– Топиться, – повторила мора Ровейн. – Это непреходящая мода при дворе. Юная фрейлина, ступив на путь греха, внезапно осознает, как низко она пала, и бросается с галереи в воду. Откуда ее вылавливает возлюбленный, дальше свадьба, дети.

– А если не выловит? – с интересом спросила Катти.

– Не будет свадьбы, – пожалала плечами дуэнья. – Так вот, любимый портной королевы пару лет назад был удостоен права выстроить себе дом на территории дворца. С тех пор мэтр Баско принимает только у себя.

– Хвастается?

– Ему только об этом не говори. Лучше вообще молчи.

– То есть, мора Ровейн, вы думаете, что вы его обидеть не сможете?

– Цыц, Цветочек, до язвочки ты еще не доросла.

Дом портного был уменьшенной копией дворца. Катарина только вздохнула: неужели королю и королеве это нравится?

– Хороший тон и способ ненавязчивой лести, – негромко обронила мора Ровейн, правильно расценив вздох подопечной.

– Дороговато встает такая лесть.

Сам портной оказался высоким и очень худым мужчиной. Вопреки ожиданиям, одет он оказался скромно и неброско. Если не принимать во внимание высочайшее качество ткани.

– Доброго дня, мэтр Баско.

Катарина постаралась присесть в реверансе. Трость, как всегда, скорее мешала, чем помогала. И в итоге переволновавшаяся девушка чуть не упала.

– Бедное дитя, – без капли сострадания произнес портной, поворачиваясь к ней спиной и отправляясь в глубь дома. – Тебе нелегко придется. Главное, не прыгай с галереи – во-первых, там теплая вода, во-вторых, не слишком глубоко, и в-третьих, там белаторы защитные плетения наставили. Последний раз прыгунью ногами вверх на берег доставили.

– Я не слышала, – удивилась мора Ровейн.

– Ай, прошлая неделя была настоящим фрейлинопадом, – пояснил мэтр Баско. – Масовая истерика – ни одной по настоящему знатной мэдчен в Отбор не попало. Да и шутка ли, всего семь девиц? Вот и посыпались фрейлины. Да так, что белатор Альтгар лично явился зачаровывать галерею. Да так и остался – король приказал ему, как главе Совета белаторов, «взять безобразие под контроль».

Все то время, что портной говорил, он продолжал идти. Даже не озаботившись пригласить за собой гостей. И Катарина с ужасом подумала о том, что, возможно, при дворе все похоже на мору Ровейн. Но тогда... тогда время благородных дерров и утонченных мэдчен

ушло? Подумала и устыдилась своей невнимательности, ведь сказано было, что чужое отчаяние и попытки суицида стали развлечением для окружающих.

– Добро пожаловать в мою сокровищницу, – гордо произнес мэтр Баско и распахнул створки дверей. – Многие считают, что я возгордился сверх меры и перестал выезжать на дом. И я горд. Вот только на дом я никогда и ни к кому не выезжал. Даже ее величество изволит приходить ко мне. А все вот поэтому...

И он гордо обвел рукой огромное помещение, где царила ткань.

– Больше сотни видов тканей и почти две тысячи оттенков, – самодовольно ухмыльнулся мэтр Баско. – Для юной мэдчен я выберу насыщенный синий с отливом в морскую волну и, пожалуй, фиолетовый. А также цвет молодой мяты и средней насыщенности красный. Раздевайтесь и вставайте на табурет

Удивительно, но при всей помпезности обстановки табурет был хоть и крепок, но очень стар.

– О, вы заметили, да? Я купил его на первые заработанные деньги. И пусть с тех пор я сменил все-все, табурет оставил.

Катти ушла за ширму, где быстро скинула платье и надела простую рубаху. Все замеры производились магическим путем, но из-за плотной одежды в цифры могла вкрасься погрешность.

Все время, пока она торчала на табурете, мора Ровейн стояла рядом. А мэтр Баско был полностью погружен в свою магию.

– Так, с замерами покончено. Теперь оценим силуэт.

Катарина очень жалела, что не может посмотреть на себя со стороны – на ней возникали иллюзии платьев и тут же пропадали.

– Что ж, будем подчеркивать высокую грудь и тонкую талию. А вот бедра тяжеловаты, но правильный крой превратит их в еще одно достоинство. А что, мэдчен, не успели обратиться к белаторам до Отбора? Быть может, вам на трость чехол сшить?

– Моя травма при мне уже три года, – спокойно ответила Катти. – Чехол не нужен, спасибо.

– Есть какие-либо пожелания? – Портной явно хотел от них поскорее избавиться и приступить к работе.

– Я однажды видела платье. Плотный шелк сливочного оттенка. А на нем темная вышивка. – Катти улыбнулась. – А в остальном я верю в ваш гений.

Портной коротко кивнул и жестом показал гостям на выход. Он уже был готов творить. Пусть все претендентки между собой похожи, в хромой мэдчен было что-то эдакое. И если он, Баско, это нечто уловит...О, тогда будет еще одна пройденная веха на пути к истинному мастерству!

– А ты молодец, – уже в карете сказала мора Ровейн. – Он теперь наизнанку вывернется, чтобы оправдать свою гениальность.

– Но разве это не так?

– Так, – кивнула дуэнья. – На вашей конюшне есть свободные лошади?

– Вы можете взять моего Обжору. Но он очень флегматичен и нетороплив.

– Ясно, тогда уж проще пешком.

– А куда вы спешите?

– Да так, – мора пожала плечами, – просто.

Она не стала пугать подопечную. Но слова портного заронили зерна сомнений в душу Германики Ровейн. Действительно, всего лишь семь девиц. И ни одной мэдчен из первого или второго круга знати. Как будто... как будто выбрали тех, кого не жалко.

ГЛАВА 3

Матушкин подарок и огорчил, и обрадовал Катти. Невероятной красоты ожерелье, из платины и сапфиров изумительно смотрелось на шее мэдчен ван Ретт. И так же прекрасно это ожерелье подходило к венцу избранницы. Настолько хорошо подходило, что Катарина напрямик спросила, знала ли мора ван Ретт о том, что ее дочь выберут.

– Не говори глупости. Я просто пошла и купила его, – ответила мора и отослала дочь спать.

И Катарина бы поверила. Но для каждого Отбора лучшие ювелиры страны предлагали свои творения и никогда не знали, что именно выберет королева. И ни разу за последние четверста лет венцы не повторялись.

А значит... А что это значит, Катти не придумала. Уснула. И за завтраком выглядела бледной и несчастной, на что ей попенял отец.

– Я бы не хотел, чтобы девочка из рода ван Ретт стала первой, кому запретят участвовать в Отборе невест, – холодно обронил дерр ван Ретт, и Катти вздрогнула.

– Она просто немного переволновалась, – заступилась за дочь мора ван Ретт.

– Я вижу, ювелир доставил твой заказ, – сдержанно ответил тот.

– Линдгард, – укоризненно ответила мора ван Ретт, – это не заказ. Ювелир привез мне посмотреть некоторые украшения. Вот я его и купила.

– Как скажешь. Всем доброго дня. Сабрина, не беспокой меня до полудня.

– Я и не собиралась, нам с Катти есть чем заняться, – отмахнулась от супруга мора ван Ретт.

Линдгард передернулся, резко встал и вышел. Леандер ушел вслед за отцом, успев только услышать слова матери:

– Мы долго потакали твоему брату и запрещали тебе развивать дар. А теперь ты едешь ко двору, и меня это беспокоит.

Леандер так громко хлопнул дверью, что Катарина подскочила.

– Не представляю как Линдгард собирается с ним справляться, – вздохнула мать.

– Матушка, я достаточно изучила свой дар. По старым книгам. Через три дня будет готов мой гардероб. А через пять за моей спиной закроются дворцовые ворота.

– Катти, – вздохнула мора ван Ретт, – при дворе любая мелочь может оказаться полезной.

– Но я не собираюсь учиться этим «мелочам» за оставшиеся три дня. Мне нужно собрать вещи, кое-что прочитать и осмыслить. Прости, но раньше надо было меня учить. Сейчас немного поздно.

– Если ты будешь столь же прямолинейна с принцем, – холодно произнесла мора ван Ретт, – вполне может стать, что в семью ты принесешь медные украшения. Что ляжет несмыслаемым позором на нашу фамилию.

С этими словами Сабрина ван Ретт покинула обеденную залу. Катти пожала плечами и тоже поднялась. Медные украшения... очаровательно сознавать, что даже мама такого мнения о ней, Катарине.

Сердито пристукивая тростью, Катти ушла к себе – читать выданную белатором Ивьеном книжицу. На самом деле она посвятила этому весь день. То читала, то выписывала что-то в блокнот. И не замечала взглядов, которыми за ужином обменивались дерр и мора ван Ретт.

– Завтра прибудет златокузнец, – наконец произнесла Сабрина.

– Зачем? На Отбор невест можно взять только один комплект украшений. – Катти подняла на мать глаза. – И я возьму то, что ты подарила.

– Он принесет несколько особенных зонтов. Тебе нужно будет выбрать тот, что больше понравится, – с нажимом произнесла Сабрина ван Ретт.

– Матушка, у меня есть трость, и я к ней привыкла.

– Хорошо, как скажешь. Линдгард, попробуй гусиную печень, она сегодня божественна.

Выдохнув, Катти обратила внимание на свою тарелку. И скривилась – она так задумалась, что не заметила, как съела вареную морковь. Гадость.

Оставшиеся дни пролетели незаметно. Она читала, составляла список необходимых вещей, прогуливалась по саду с нянюшкой и несколько раз выезжала на конную прогулку. Неудивительно, что и перед отъездом Катарина захотела развлекаться. И попрощаться с конем.

Стать у Обжоры была невероятной – что заставляло встреченных конных всадников недовольно кривиться. И лишь один раз Катти заметила столь же крупного коня. Высокий и мощный гнедой скакун с легким превосходством косил взглядом на Обжору. Но вороного красавца не проняла плеть, а уж презрение собрата... Пф-ф, лучше сжевать вот эту прекрасную фиалку.

– Обжора! Выплюни немедленно, – зашипела Катарина.

– Вот еще! – возмутился подошедший к гнедому коню белатор Альтгар. – Я с утра ничего не ел. И выслушивать пожелания маленькой зазнайки не собираюсь.

Катти охнула, но прежде чем она успела что-то объяснить, белатор спросил ее:

– Вы знаете, что ворота для невест-избранниц будут открыты сегодня и лишь до полудня?

– То есть, если я не успею – венец растает? – с интересом спросила Катарина.

– Нет, вас магия волоком сквозь весь Луизет протащит, – любезно ответил белатор Альтгар и укусил пирожок. После чего, жуя, добавил: – Увидимся на церемонии знакомства.

Катарина коротко выдохнула, бросила взгляд на Башню Времени и подавила желание выругаться. До полудня оставалось меньше полутора часов.

– Обжора, миленький, давай домой, – причмокнув, она направила коня к дому.

Мягкая рысь Обжоры успокаивала. Катарина прекрасно помнила, что быстрее этот конь не скачет. И потому просто прикидывала, что ей надеть и на чем ехать. Ведь не может же она опоздать? Но и предстать перед всем двором замарашкой – тоже невозможно.

Откуда только она взялась, это церемония знакомства?! Не было такого в прошлом Отборе, не было!

Но ворчи не ворчи, а изменить ничего нельзя. Зато можно потратить время с пользой – в пути Катарина продумала все. Какое платье она наденет (из тех, что легко и быстро подготовить) и какую прическу сделает. А вот краской для губ и ресниц придется пренебречь.

А еще все это нужно сделать тайно – родные могут так помочь, из лучших побуждений, что у ворот в пыли она окажется неодетой. Зная маму, Катти была уверена – мора ван Ретт потребует, чтобы дочь приняла ванну с расслабляющими маслами. И все в том же духе. Нет уж. Перед ними нянюшка отчитается.

Въехав во двор Катарина попросила эйта Фовера сменить обычное седло на дамское.

– И придумайте, пожалуйста, какую-нибудь ленту или иное украшение. Мне срочно нужно выезжать во дворец. А это лучше делать верхом – основная улица в это время запружена каретами. А ко дворцу другого каретного пути нет.

– Фарнвард не самый быстрый конь, – с сомнением произнес эйт Фовер.

– Зато он самый спокойный и не скинет меня в пыль. Иногда это важнее скорости. Если белатор Альтгар не солгал, то в полдень магия протащит меня до самых ворот дворца и там бросит в пыль.

– Через всю столицу? – ахнул конюх. – Все будет исполнено, мэдчен. В лучшем виде!

– Я в вас верю, эйт Фовер.

Спешившись, Катти устремилась к дому. От нервов девушка начала сильнее хромать. Нога ныла, настроение стремилось к нулю.

В холле Катарина поймала служанку и приказала немедленно найти эйту Талем и эйту Санни – ее няню и ее личную горничную.

– К тому времени, как я поднимусь в свои покои, они уже должны ждать меня там, – коротко выдохнула Катарина.

Служанка понятиливо кивнула и скрылась. Подняться наверх Катарина не успела – в холл ворвалась взъерошенная мора Ровейн. Ошеломленная Катти на мгновение подумала, не гнали ли почтенную дуэнью собаки? Да через весь Луизет! Иного объяснения ее внешнему виду она придумать не смогла.

– Цветочек! Дурные вести! – Германика резко остановилась и шумно вздохнула.

– Я уже знаю, – кротко ответила Катти.

– Да? Обидно, я спешила. – Дуэнья коротко хохотнула и добавила: – Одно радует, новые правила – они для всех невест такие.

– Для всех? – поразилась Катти.

– Видать, к Отбору в кои-то веки подошли с умом, – уклончиво отозвалась мора Ровейн. Делиться соображениями с подопечной она пока не собиралась.

Поднимаясь по лестнице рядом с Катариной, дуэнья как-то странно держала руку. Будто ждала падения и заранее готовилась ее подстраховать.

Служанка не подвела. И в покоях Катти уже ждали и няня, и личная горничная.

– Нянюшка, расчеши мне волосы, – велела мэдчен ван Ретт. – Санни, достань мое голубое двухслойное платье. Нет, вначале мокрые полотенца – обтереть тело.

Зайдя за ширму, Катарина разделась, приняла полотенце – гадко холодное – и оттерла пот и пыль.

– Теперь свежее белье, – приказала она.

Надев белье, Катарина вышла из-за ширмы и села в кресло.

Нянюшка водила мягкой щеткой по густым волосам воспитанницы. И всякий раз как щетка проходила сквозь венец приглушенно охала.

– Дивная магия, дивная, – приговаривала старушка.

Мора Ровейн устроилась в углу, в кресле. Заложив ногу на ногу, она наблюдала за тем, как слаженно работают эйта Талем и Санни. Как быстро и ловко отглаживаются только видимые части зависевшегося платья.

Да и сам выбор мэдчен ван Ретт стоил похвалы – темно-фиолетовое нижнее платье, поверх плотный голубой лен с цветочной вышивкой. Плечи закрыты, но небольшой, непривычной формы вырез позволяет увидеть ложбинку груди. Ничего лишнего, ничего пошлого.

– Может, причесочку соорудим? Хоть какую-нибудь? – жалобно спросила нянюшка.

– Не успеем, – покачала головой Катарина и бросила взгляд на изящные часики.

– Я брошу чары, – спокойно сказала Германика. – Чтобы ветер не спутал распущенные волосы.

– Это разрешено? – нахмурилась мэдчен ван Ретт. – Я читала, что невесты-избранницы не имеют права пользоваться магией для улучшения своей внешности.

– Да, но Отбор начнется завтра. Сегодня вы должны просто приехать и устроиться на новом месте. Так что мы ничего не нарушим. Только постарайся вырастить не такую лысую лиану, как та, что была у башни белаторов.

– Откуда вы знаете?

– Рассказывали.

Катарина вздохнула. Ее лианы совсем не лысые! Беда в том, что Обжора испытывает гастрономическую слабость к магическим растениям. Она даже выращивала для него землянику и клубнику, отчего конь проникся к новой хозяйке особенно теплыми чувствами.

– Няня, отчитаешься перед матушкой, и вместе с Санни отправитесь в карете. Вместе с моими вещами. Мора Ровейн?

– А мы с тобой, Цветочек, познакомимся только завтра, – подмигнула Германика. – Не забудь удивиться.

Она успела под самый конец. С ней вместе верхом прибыл и эйт Фовер – чтобы было, кому забрать Обжору. Расцеловав напоследок бархатный нос коня, Катти шагнула за ворота.

Ухоженная аллея, медовый аромат цветов и бескрайнее синее небо будто обещали – теперь все будет хорошо. Тридцать один день пролетит в единый миг, и она станет на шаг ближе к мечте.

Катти улыбнулась, коснулась кончиком пальца усыпанной цветами ветви сирени, щедро поделилась с растением магией и тихо выдохнула:

– Подари мне цветок с пятью лепестками.

Подчиняясь желанию Катарины, на ветви распустилась новая гроздь соцветий. И среди них был крошечный цветок с пятью лепестками.

– Что вы будете с ним делать, мэдчен?

Негромкий мужской голос заставил Катти вздрогнуть.

– Я его проглочу, дерр. Он принесет мне удачу.

– В Отборе?

– Надеюсь, что это будет просто удача, ваше высочество, – сдержанно ответила Катарина.

Она не стала притворяться, будто не узнала принца. И тот удивленно спросил:

– Вы узнали меня?

– Ваши портреты висят в каждом доме. Да и было бы странно стать частью Отбора и не посмотреть, как вы выглядите.

Его высочество прижал руку к сердцу и склонил голову:

– Каюсь, иногда я задаю весьма глупые вопросы. Вы прекрасны, мэдчен ван Ретт.

– И как же вы меня узнали? – поинтересовалась Катарина.

Ее собеседник резко сконфузился и бросил взгляд на трость.

– Я смотрел портреты невест, – неуклюже соврал он.

– А вы покажете мой портрет? – попросила Катти.

– Ладно, хорошо. Читал анкеты, – проворчал принц. – Какая вы въедливая.

– Я не терплю лжи, мой принц. Это и есть церемония знакомства?

– Я провожу вас в беседку, мэдчен. Там вы дождетесь оставшихся невест-избранниц. И уже там будет церемония знакомства.

Они шли в тишине. Катарина все так же вертела в пальцах сирень с пятью лепестками. И принц, перехватив ее ладонь, попросил:

– А можно мне?

– Да, мой принц.

Но он не стал есть цветок, а спрятал его в шелковый платок и убрал в карман. Катарина с подозрением проследила за его манипуляциями. Мэдчен ван Ретт знала, что хороша собой. Но так же она знала, что не настолько хороша, чтобы через пять минут знакомства принц начал собирать гербарий из цветов, к которым она прикоснулась. Что происходит?

Нахмурившись, принц остановился, и мэдчен ван Ретт была вынуждена последовать его примеру.

– Прошу прощения, но проводить вас до беседки я не смогу. Посмотрите, сейчас вы пойдете вот по этой дорожке и у белого куста свернете налево.

Она даже не успела спросить, что за белый куст, как морр Хиллиард Льдовин растворился в воздухе. Катти грустно улыбнулась, хотелось бы и ей обладать хоть толикой способностей правящей семьи. Королевство Келестин считалось непобедимым из-за крепкой спайки между белаторами и королевской семьей. И ни одной живой душе не было известно, как Льдовинам удалось добиться этой гармонии.

Белым кустом оказалась магически измененная акация. Катарина недовольно сморщилась – растение страдало и чахло, не в силах смириться с насильственным изменением.

Перед мэдчен ван Ретт развернулась небольшая проблема – пройти мимо или поправить чужое заклатье. Чтобы исправить совершенное и внешне оставить куст все таким же полностью белым, ей потребуется около сорока минут. Чтобы просто сдернуть чужую ворожбу – минута.

Но имеет ли она право распоряжаться в чужом доме? И может ли позволить себе проигнорировать повеление принца?

Недолгое раздумье подсказало Катарине как поступить – она вернула нескольким веткам природный, зеленый цвет. Этого должно хватить, чтобы куст не погиб в ближайшие дни. И, если судьба, то она вернется и закончит чужое заклинание. Все же не слишком хорошо заставлять растение мучиться. Но увы, люди не думают о том, что боль испытывают не только существа из плоти и крови.

Когда Катарина вышла к беседке, у нее задергался глаз. Изумительная белокаменная беседка утопала в цветах. Измененных. И она, Катти, на самой границе ощущений слышала, как жалуются на жизнь растения.

Конечно, это не было чем-то понятным, чем-то осознанным. Нет, просто ток магии в цветах был нарушен, и неправильность вызывала дисбаланс. Что и ощущала мэдчен ван Ретт.

– Это кто ж тут такой не ленивый живет? – поразила девушка и вошла в беседку.

«Не ленивый и образованный», – мысленно добавила она. Изнутри беседка была экранирована от всех магических токов. И потому дисбаланс не ощущался.

Семь одинаковых кресел, семь одинаковых приборов. Всего по семь. И все готово к немедленной трапезе. Катарина осмотрела богато накрытый стол, сглотнула голодные слюнки и села в самое дальнее кресло. Она не начнет трапезу до того, как придут все невесты-избранницы.

Долго скучать не пришлось. В беседку величаво вплыла благородная мэдчен. Ее пепельные волосы были заплетены в простую косу и перевиты ниткой жемчуга. На нежно-розовом платье в некоторых местах виднелись складки – тоже собиралась впопыхах.

– Мэдчен Ильтиона ванен Торн, – певуче произнесла она.

– Мэдчен Катарина ван Ретт, – отозвалась Катти.

Ванен Торн смерила соперницу недовольным взглядом. Первый круг аристократии не имел приставки перед фамилией. Второй и третий – «ваны», их было сложно различить. И только четвертый круг имел двойную приставку – «ванен».

Ильтиона, как и Катти, осмотрела голодным взглядом стол и, не удержавшись, цапнула небольшой пирожок. Быстро его проглотив, она уселась в кресло и красиво расправила юбку.

– Что? Можно подумать, ты так не сделала, – буркнула она.

Отвечать Катарина не стала. Ей было несколько стыдно, что она не догадалась по-быстрому сжевать что-нибудь и не мучиться от голода.

Глядя, как в беседку входит третья отмеченная венцом невеста, Катарина серьезно задумалась над тем, что же там заказал принц? Высокая и статная, пепельные волосы, светлые глаза. Такое ощущение, что в беседке собралось три сестры.

– Мэдчен Альгра ванен Скорт.

Выслушав ответы, Альгра села, красиво расправила складки на юбке и сложила руки на коленях.

– Мэдчен Исира ванен Хальф.

Катарина без удивления отметила внешность новой невесты-избранницы. И то, как та села – красиво расправив вокруг себя складки юбки.

– Мэдчен Мадди ванен Скомпф.

Эта была немного другой. Чуть полноватая и жизнерадостная, она плюхнулась в кресло и, виновато улынувшись, прочирикала:

– Девчата, я украду пирожок. Все понимаю, но сил терпеть – нет. Все утро со счетами возилась, туда-сюда, а тут раз, и новости – беги во дворец. Так и бежала ведь, вон, платье по подолу все угвадала.

Ухватив пирожок, Мадди быстро его прожевала, стряхнула упавшие крошки и спросила:

– А что, девы, у вас принц что-нибудь изъяс? У меня вот ленту из волос выплел. Мне не жалко, только на что она ему? Не в цвет ведь. Да и казна вроде не бедствует.

Судя по тому, как вытянулись лица у остальных невест, они тоже получили подобные «знаки внимания».

– Я для себя пятилепестковый цветок сирени вырастила, – произнесла Катарина. – Принц попросил его. Не смогла отказать.

Так и выяснилось, что каждая чем-то одарила дерра Хиллиарда. Причем по его личной просьбе.

– Странно-то как, – округлила глаза Мадди. – А хотя, может, ему для истории? Мы же ведь не знаем всю эту кухню изнутри. Вдруг у его отца есть коллекция? А мы, курицы, и не догадались принцу что-то подарить? Вот ему и пришлось просить. А что? Мужчины тоже любят подарки.

Катти прищурилась и представила, как в следующую встречу принц будет задарен всякими девичьими штучками – ведь ничего другого у невест при себе нет.

– Мэдчен Альда ванен Сор.

– Боги пресветлые, да как же мы все похожи, – ахнула Мадди. – А у тебя принц что попросил?

– Пуговку, – хлопнула глазами Альда. – А у вас?

И Мадди радостно вывалила на Альду все узнанные подробности.

– Мэдчен Боудира ванен Крют, – надменно раздалось от входа.

Подвинув с дороги Альду, Боудира села в свободное кресло и медленно процедила:

– Что ж, вижу, претендентка на медь у нас уже есть.

И холодные, серые глаза Боудир указали на трость Катарини.

– Если у тебя, Боудира, принц попросил платок, – холодно ответила Катарина, – то это не значит, что ты ему понравилась.

– У меня ленту взял, – кивнула Мадди.

В этот раз шорох шагов услышали все. Альда, пискнув, поспешно плюхнулась в кресло. Но вместо принца появился белатор Альтгар.

– Доброго дня, – холодно произнес он. – Вы можете приступить к трапезе. После чего за вами придут слуги и проводят в новые покои. Также в ваших покоях находятся украшения, в которых вы обязаны появиться на завтраке. Сегодня за вами будет ухаживать ваша прислуга, с завтрашнего дня – дворцовая.

– Почему? – удивилась Мадди.

– Потому что это приказ короля, – спокойно ответил белатор. – К украшениям приложены письма. Там подробно объяснено, почему и за что вы получили именно то, что получили. Если за завтраком вас спросят, за что вы получили свое украшение, вы обязаны ответить.

Белатор повторил трюк принца – растаял в воздухе.

– Вам не кажется, что он нас тихо ненавидит? – глубокомысленно спросила Мадди.

– Нет, Мадди. Он ненавидит нас громко, – отозвалась Катарина.

– Эх, – вздохнула мэдчен ванен Скомпф, – а моя служанка обещала письма любовные носить.

– Кому? – поразились Альда.

– Так жениху ведь, – повела пухлым плечом Мадди. – Он у меня до баб охочий – ужас просто. Я ведь дочь купца. Мы в четвёртый круг только вошли, да лучше б и не входили. Эх. Окрутит его соперница моя, и солеварня мимо моего батюшки пройдет. А это, между прочим, ужас какие деньги.

– Где прислуга? – процедила Боудира. – Я не собираюсь за служанку работать. Купчиха, налей чай.

– Я тебе его на голову налью, – фыркнула Мадди. – У тебя брат с приставкой «ван». Так то не твоя заслуга, а его. Сиди уж.

Катарина зябко поежилась. Что-то невесты-избранницы не очень-то походили на «самых образованных, утонченных и добродетельных» девиц королевства. Но ведь хроники Отборов врать не могут?

Этот прием пищи превратился в демонстрацию способностей. Все, кроме Мадди, старались перещеголять друг друга. Даже Катти ощутила в себе какую-то внутреннюю искру, желание поддеть соперниц. Правда, быстро успокоилась и спокойно поела.

Прислуга внутрь беседки так и не вошла. Девушки стояли снаружи и ожидали, пока мэдчен закончат трапезничать.

Мадди вышла первой. Утерла рот салфеткой, встала и вышла. Катарина с некоторой завистью посмотрела ей вслед – самой мэдчен ван Ретт было не под силу выбраться до того, как освободится проход.

Но надолго их обед не затянулся – всем не терпелось рассмотреть украшения. А Катарина, помимо всего прочего, пыталась угадать, за какие заслуги эти украшения будут выданы.

Каждая из невест выбрала себе служанку сама. И, к вящему неудовольствию Боудире, Мадди в этом плане повезло больше всех – дочь купца выбирала из семи.

Катарине было глубоко безразлично, поэтому она просто подождала, пока все разойдутся, и вышла из беседки.

– Как твое имя?

– Росица, мэдчен.

– Я Катарина ван Ретт. Что ж, Росица, веди меня.

Удивительно, но к девичьему дворцу Катарина пришла одной из первых. А точнее – сразу после Мадди. Росица провела ее узкими тропками, минуя основные аллеи.

– Часто у вас изменяют цветы?

– Только по праздникам, мэдчен. Придворный маг не белатор и не может надолго заколдовать живые растения. Неделя – и ему приходится все переколдовывать заново.

Девичий дворец был похож на воздушный зефир. Белые и розовые оттенки смешивались, создавая удивительное архитектурное совершенство.

– Здесь семь комнат, бальный зал, большая столовая, гостиная и библиотека. Также есть крытая оранжерея.

– Раньше невест было значительно больше, – нахмурилась Катарина.

– Да, но селили их здесь только перед последним испытанием. Видимо, наш принц смог сократить Отбор. Он умен и благороден, – с придыханием произнесла Росица.

– Да, ты права, – сдержанно согласилась Катарина. На самом деле мэдчен ван Ретт пока не была в этом уверена. Но хвалить королевскую династию весьма полезно.

Катарина остановилась в коридоре, гадая, какую комнату выбрать. И пытаясь понять – у седьмой комнаты тоже есть соседка? И если есть, то как это получилось?

– Может, соседнюю со мной займешь? – в коридор выглянула Мадди. И Катарина согласно кивнула.

Шумно отдуваясь, по лестнице поднималась Боудира. Увидев Мадди и Катти, она зло сощурилась и процедила:

– Угловая комната – моя. Сейчас выкину ваши вещи!

– Я потом тебя с балкона выкину, – флегматично произнесла Мадди и покачала головой, глядя вслед Боудире. – Повезет же принцу.

– Думаешь, он ее выберет?

– Красивая, злобная, знает себе цену, умеет себя подать, когда надо. Мужчины ведутся на таких. – Мадди пожала плечами. – Ты на двери напиши свое имя, и тогда на подносе внутри комнаты появится шкатулка.

Мэдчен ванен Скомпф кивнула на низенький столик. Там в хрустальном футляре лежал один единственный карандаш.

– У тебя уже появилась?

– Ну да, откуда бы мне тогда знать? Любопытно, поди?

– Я могу и потерпеть, – улыбнулась Катарина.

– У меня серебро, с одним топазом и двумя медными капельками. Одна капелька – за то, что я поела, никого не дожидаясь, а вторая – за неподобающие разговоры.

– Ох, тогда я пишу. – Катарина взяла со столика карандаш и размашисто написала свое имя. – Заходи, посмотрим вместе.

Отказываться Мадди не стала. И девушки вдвоем пронаблюдали, как на кофейном столе в серебристом сиянии появилась шкатулка. И письмо.

– Вскрывай давай, любопытно ведь, – подпихнула Катарину Мадди.

В шкатулке оказалось простое серебряное ожерелье. С одним топазом и без каких-либо висюлек.

– Ничего себе, – прошептала Мадди. – Вот это да.

– Так ведь оно как твое, – удивилась Катти.

– Ты чего? Это же белое золото, магическое. Читай.

«За сдержанность». Больше в письме не было ничего.

– По таким критериям я рискую взять главный приз, – нахмурилась Катарина.

– Ни разу не слышала такого счастливого голоса, – захохотала Мадди. – Пойду я, вот-вот должны вещи привезти и слуг. Я к тебе вечером через ванну загляну. Или ты ко мне. У меня вино и фрукты в сундуках.

– Когда ты успела?

– Ты что? Я сундуки собрала, еще когда с венцом на голове проснулась. – И Мадди тяжело вздохнула. – Как мать с отцом расстроились. Нам бы ту солеваренку, эх. Мы ведь в обмен-то маслобойню даем. Все честь по чести. Ладно, не буду тебя расстраивать.

Катарина смогла только кивнуть. Расстройства Мадди ей было не понять. Солеварни, маслобойни – все это было далеко от Катти. И потому, выйдя на балкон, она решила чуть обождать и, если нянюшка с вещами не появится, пойти гулять.

Покои невесты состояли из спальни с крохотным балконом, гостиной и ванной комнаты. Правда выяснилось, что ванная действительно одна на двоих – имелась вторая дверь.

Вернувшись в спальню и через нее выйдя в свою небольшую гостиную, Катарина услышала, как кричит Боудира. Да так громко, так непристойно. Вроде как мэдчен ванен Крют напирала на то, что кто-то из невест подменил ей украшение. А служанка пыталась объяснить взаимосвязь между именем на двери и появлением шкатулки.

Катти покачала головой и на всякий случай зарастила лианой вход в покои. Ну ее, истерику. Еще явится проверять, что за украшение на Катарине.

За несколько часов мэдчен ван Ретт едва не сошла с ума от скуки. В изящном секретере нашлись чистая бумага и чернильные палочки. Все остальные полки были пусты. Кроме секретера здесь стояли два тонких и изящных кресла, круглый стеклянный столик. Спальня Катарини была отделана в сливочно-желтых тонах. А гостиная радовала прекрасным коралловым оттенком.

– Надо как-то разнообразить все это благолепие, – вздохнула мэдчен ван Ретт и придвинула к себе чистые листы.

Так что к визиту нянюшки у Катарини было готово два графических рисунка. Карикатура на белатора Альтгара и кошка в ветвях рябины. Катти не была прирожденным художником. Но воспитание благородной мэдчен предполагает уроки живописи, пения и вышивки. От последнего плакала как Катти, так и нянюшка.

– А похож, – хихикнула эйта Талем и чмокнула воспитанницу в щеку. – Без нас ты остаешься, Катти. Бесы бы драли эти правила. Вот только поможем тебе разложиться, и все. Дальше чужие будут за тобой присматривать.

Шумный причитающий вихрь промчался по комнатам. Нянюшке не понравилось все – постель плоха, белье ужасно. Ковры вытертые, занавески тонкие. Шкаф ненадежный, дверь хлипкая. Под конец пожилая женщина села и горько заплакала, что оставляет свою девочку в этом гнезде нищеты.

Катарина только глазами хлопала – белья такого качества в семье ван Реттов не водилось. Тончайший тюль был очарователен, а ковры... По этим коврам Катарина мечтала босиком походить – настолько густым выглядел ворс.

– Да как так-то? Цветочек наш и без присмотра.

Обняв няню, Катти погладила ее по голове и тихо сказала:

– Все будет хорошо. Смотри, какое мне украшение подарил принц. Белое магическое золото. За сдержанность.

– Вот и матушка твоя сердиться перестанет. Очень осерчала мора ван Ретт, что проводить ты себя не дала.

– Я бы не успела, – проворчала Катти.

Няне позволили задержаться до самого ужина. Пришедшая Росица принесла поднос, накрытый круглой высокой крышкой, и попросила эйту Талем уйти.

Катарина на прощание обняла няню и отдала ей рисунок с рябиновой кошкой.

– Вернусь, в цвете нарисую, – пообещала Катти.

Когда няня ушла, мэдчен ван Ретт немного посидела, погипнотизировала поднос и пошла стучаться к Мадди. В одиночестве можно сойти с ума. А вдвоем всяко веселее.

ГЛАВА 4

Катти сидела перед зеркалом и терпеливо ожидала окончания экзекуции, у Росицы были очень грубые, жесткие руки. Она неприятно дергала и тянула за волосы. Но итоговый результат стоил того, чтобы потерпеть: каскад тончайших косичек и локонов подчеркивал красоту мэдчен ван Ретт.

– У вас прекрасный дар, мэдчен, – произнесла Росица.

И Катарине потребовалась минута, чтобы понять, что служанка имела в виду ожерелье, а не магию.

– Благодарю, – кивнула мэдчен ван Ретт и поднялась.

– Вчера доставили ваш гардероб, – служанка поклонилась. – Я взяла на себя смелость и выбрала оттуда платье.

Катарина бросила взгляд на роскошное платье и покачала головой:

– За завтраком я желаю надеть свое платье, не из нового гардероба. И я его тебе показала.

– Но мэтр Баско...

– Это платье не для завтрака, Росица. С большой натяжкой его можно надеть к обеду. Но идеально – к ужину.

Хитро улыбнувшись, служанка произнесла:

– Вы правы, если говорить об обыденности. Но если говорить о дворце и придворной жизни... Чем роскошней, тем лучше.

С пару секунд Катарина настороженно размышляла, решая, поверить Росице или нет. С одной стороны, служанка видела больше. С другой – моду задает двор. Начни королева выходить к завтраку в вечернем туалете – переймут все.

– Что ж, я пока еще не часть двора, – решила Катарина. – Поэтому приготовь мне то платье, которое выбрала я. Персиковое, со светлым воротником.

По Росице не было понятно, огорчило ее или обрадовало решение мэдчен ван Ретт.

– Где будут обедать невесты-избранницы? – спросила Катарина.

– В своем дворце, друг с другом, – почтительно ответила служанка.
– Тогда другое платье мне не понадобится. А ужин?
– Ужин будет подан в покои. Но одна из невест удостоится трапезы с белатором Альтгаром.

Катарина удивленно хмыкнула и спросила:

- А кому невесту ищут?
- Принцу Хиллиарду.
- А ужин с белатором Альтгаром?
- Да, мэдчен.
- Ничего странного ты не видишь в этом?
- Нет, мэдчен.

Пожав плечами, Катти встала. До завтрака оставалось сорок минут. Необходимо надеть платье и туфельки. Сам завтрак произойдет в королевском дворце. И, если хроники не врут, то невесты-избранницы будут старательно давиться кашей под взглядами придворных дам.

Увы, Росица отказалась говорить на эту тему. И мэдчен ван Ретт могла только гадать, как именно будет происходить завтрак.

И потому, когда служанка вышла узнать, готовы ли экипажи для невест, Катти выпила стакан воды. Чтобы притупить чувство голода и не опозориться на завтраке.

– Может, вам стоит сменить трость на зонт? Я видела в ваших вещах два усиленных зонта, – осторожно предложила Росица.

– Нет, это неприемлемо, – коротко ответила Катарина.

Дело было не только в принципах. Мэдчен ван Ретт могла бы поступиться конкретно этим принципом, но... Зонты неудобно пружинили. То ли какая-то специальная конструкция, то ли именно Катарине так «повезло», но она не могла с ходу сменить трость на зонт. Неудобный подол, хромота и ненадежная подпорка – она бы рухнула. Чтобы приноровиться к зонту, нужно не менее недели. И она планирует тренироваться. По вечерам.

Нарядившись, Катарина удобнее перехватила трость и вышла. Дверь за собой закрыть не вышло – Росица уточнила, что во время завтрака будет происходить уборка.

В качестве экипажей предлагались двухместные изящные ландо, запряженные белоснежными лошадьми.

– Надо же, а кобылы-то почти в масть невестам, – хмыкнула Ильтиона ванен Торн и, проходя мимо, как будто случайно толкнула Катарину.

А в голове мэдчен ван Ретт само собой возникло прекрасное название для будущей хроники Отбора: «Семь кобыл принца Хиллиарда».

Гадая, куда бы сесть, Катарина прошла немного вперед. И увидела Мадди, которая сразу замахала руками:

– Эге-гей! Я здесь!

Жизнерадостную дочь купца несколько не огорчила медь в ожерелье.

– Доброе утро, Мадди, – улыбнулась Катарина и неловко забралась в карету. – Ты остаешься собой?

– Обязательно, – серьезно ответила сероглазая ванен Скомпф. – Отбор закончится, а я останусь. Все просто, не так ли?

– А вдруг ты победишь? – Катти с интересом посмотрела на... подругу?

– Даже если и так, – Мадди сдула со лба непокорный локон, – то королевой я стану лет через пятнадцать. Будет время вытесать из купчихи мэдчен. То есть, мору.

Катарина удивленно посмотрела на Мадди и кивнула. На мгновение ей подумалось, что королева из купчихи получилась бы изумительная.

И что интересно, платье мэдчен ванен Скомпф выглядело скромным, как и платье Катти. В то время как та же Ильтиона радовала глаз насыщенно фиолетовым нарядом и браслетом с черными бриллиантами.

– Тебя пытались убедить выйти к завтраку в вечернем туалете? – негромко спросила Катарина.

– Пытались, – кивнула мэдчен ванен Скомпф. – Думаю, завтрак будет веселым.

– Учитывая, что за нами будут наблюдать, – очень веселым.

– Наблюдать? – удивилась Мадди. – Я до этого всего Отборами не интересовалась. А Хроники – не те книги, которые можно найти в течение недели. Расскажешь?

– Да рассказывать особо нечего. На прошлом Отборе был выставлен длинный стол, за него по одной стороне усадили невест-избранниц, а перед ними стояли придворные. Смотрели.

– Вопрос в том, на что они смотрели, – протянула Мадди. – Готова поклясться, что нашее Боудиры что-то медное. Но что за камень? На солнце не блестит.

– Может, без камня? – предположила Катти.

– Нет, камень точно был, – сказала мэдчен ванен Скомпф, поерзала и приподнялась на сиденье, будто пытаясь увидеть Боудиру.

Наконец, экипажи тронулись. В ландо немного трясло, и Катарина крепче сжала трость. Так ей было немного легче сохранять равновесие.

– А красиво здесь, – вздохнула Мадди. – У нас, в Нижнем городе, нет такой красоты. Дивные цветы. Наверное, из дальних стран.

– Издевательство это, а не красота, – проворчала Катарина. – Растения менять нужно очень осторожно, с умом.

– А почему?

– Люди едят мясную и растительную пищу. И пьют воду. Долго ли ты проживешь, если король тебе прикажет есть песок и пить солевой отвар? Вот и тут то же самое. Растения питаются солнцем, водой и тем, что впитают их корни. Из земли. У каждого цветка свой цвет, как бы это ни прозвучало. И если просто взять и поменять внешность цветка – это то же самое, что и поменять человеку мясо на песок.

– Не понимаю, – нахмурилась Мадди.

– Это еще не полностью изучено, – вздохнула Катарина, – но если поменять растению цвет и не высчитать, по формуле, изменения для корней и внутренних протоков – оно умирает. Тысячу раз проверено.

Всю дорогу Катарина вдохновенно объясняла принципы создания новых, магических видов растений. И Мадди, внимательно выслушав импровизированную лекцию, задумчиво произнесла:

– Из тебя бы вышел прекрасный наставник.

Катарина жарко покраснела. Мэдчен ванен Скомпф попала в яблочко. В своих смелых, честолюбивых мечтах Катти примеряла серебряную мантию наставницы. И, стоя среди своих собственных, любовно выращенных полезных растений, гордо позировала для маго-снимка.

– Ты чего? – удивилась Мадди.

– Да так, что-то в жар бросило, – улыбнулась Катарина.

Хромота не сломала мэдчен ван Ретт. Почему? Потому что сделала ее незавидной невестой. Отец не мог дать за ней богатого приданого. Точнее, не мог дать настолько богатого приданого, чтобы перебить физическое увечье. Ведь всегда есть вероятность, что хромота у женщины врожденная. Просто сколько-то времени удавалось скрывать.

Катарина вот-вот перешагнет порог второго совершеннолетия. И сможет сама принимать решения. Например, пойти вольнослушателем в школу риторики. И параллельно начать сдавать экзамены на владение даром.

Наставник должен досконально знать свой дар. Иметь диплом школы риторики и... Хотя бы одного ученика. Но ученика можно купить. Это распространенная практика, и Катти не постыдится ею воспользоваться.

Нет-нет, это не рабство. Это взаимовыгодный договор. Наличие одного или двух учеников существенно повышает статус новоявленного наставника. А там и до настоящих учеников рукой подать. Благо, что дар у Катарина распространённый.

Ландо остановилось неудачно, и задумавшаяся Катарина слетела с сиденья на пол. Ошутимо приложившись задом, она только поморщилась, вздохнула и осторожно встала. На фоне ее падения золото и синева королевского дворца особенно бросались в глаза.

– Ты чего? Я даже моргнуть не успела, – выдавила Мадди.

– Задумалась крепко. Со мной бывает.

– Ты как-то попробуй другое время для раздумий выбирать, – хмыкнула мэдчен ванен Скомпф. – А то будет у нас стукнутая на голову королева.

– Вообще-то, у меня есть своя солеварня. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Понимаю, – медленно ответила Мадди.

Если у дворца невест были удобные тумбы, чтобы подняться в ландо, то перед дворцом ничего подобного не стояло.

Катти вытащила из-за рукава платья семечко и вырастила свою любимую лиану. Только листья сделала широкими и твердыми. Вот и получилась импровизированная растительная лесенка.

– С тобой выгодно дружить, – восхитилась Мадди и ловко спустилась вниз. – Я страхую, спускайся.

Падать Катарина не собиралась, но слова ванен Скомпф приятно удивляли.

– Что ж, переживем жутко-завтрак и до страх-обеда совершенно свободны? – подмигнула ей Катарина.

– Что же тогда будет вечером? Печаль-беда? – хихикнула Мадди.

– Террор-ужин, – хмыкнула мэдчен ван Ретт.

Все невесты сошли с ландо и столпились, ожидая дальнейших указаний. «Нет, не кобылы. Мы настоящие овцы в ожидании пастуха, – мрачно подумала Катти и вздохнула. – Лишь бы пастуха, а не пастушьих собак. Говорят, эти собаки кусают овец за бока».

Тут ее мысли вильнули, и она вспомнила об ужине и белаторе Альтгаре. Подавившись смешком, постаралась выбросить из головы великого мага, превращающегося в собаку и треплющего подол Боудиры.

– Ты опять задумалась? – шепнула Мадди.

– Вроде того.

– Ясно. Но, надеюсь, не глубоко? Слушай, пошли уже? Чувствую, что за нами никто не придет. Кстати, осторожно обернись. У Ильтионы в ожерелье гранит. Вряд ли мы сможем ее переплюнуть.

Катарина скосила глаза и с удивлением отметила крупный кусок гранита на толстой серебряной цепочке.

– Что ж, звучит логично. Если мы еще немного постоим на солнышке, то сляжем, – согласилась она.

Выдвинувшись вперед, девушки заметили, что на них устремились взгляды всех невест. И Боудира, на мгновение замерев, вдруг бросилась вперед и обогнала их.

– Она настолько голодная? – поразилась Мадди и добавила: – Вряд ли ей суждено прям досыта наесться.

Катти пожала плечами. Так или иначе, а двух подруг обогнали все невесты. Из-за трости мэдчен ван Ретт не могла быстро идти. А мэдчен ванен Скомпф на предложение идти вперед только пожала плечами:

– Думаешь, они все съедят? Так не беда, у меня, если ты помнишь, еще остались фрукты и хлеб. Позавтракаем. Эх, интересно, а тут можно гостинцы с воли получать?

– Наверное, можно подойти к ограде, – задумчиво предположила Катти. – А чего ты так хочешь?

– Конфет, – вздохнула Мадди. – Шоколадных. Эх, или хоть вафельку. Я, когда нервничаю, сладкого хочу.

– Я могу вырастить очень сладкую клубнику, – утешила ее Катарина. – А еще у меня есть шоколадка. Можно будет растопить шоколад на водяной бане и макать туда клубнику. Будет вкусно. Мы так с няней делали.

– Так ведь все равно закончится, – ворчливо отозвалась Мадди. – А надо, чтобы был запас. Во всем важна основательность. Вот придут гости неожиданно, а у тебя и на стол поставить нечего.

– Это что ж за гости такие, неожиданные! – возмутилась Катарина.

– А если караван раньше пришел? Бывает такое. Или родичи проездом? А последние, между прочим, каждую соринку рассмотрят и запомнят. А потом еще и кому-нибудь расскажут.

Девушки поднялись по широким ступеням и вышли на террасу.

Белый мрамор с синими прожилками, золотистые драпировки и несколько вазонов с цветами. На длинном столе узкие вазочки с чайными розами, блюда с фруктами, четыре графина вина и три корзинки с хлебом. Невесты-избранницы расселись так, что четырех из них отделило от Боудиры два свободных места. Перед каждой девушкой стояло по крошечной пустой тарелке.

– Я сяду рядом с Боудирой, а ты рядом со мной, – спокойно сказала Мадди. – Что? На меня ее яд не действует. Слабовата, крыска.

По другую сторону стола пока что было пусто. Едва только Катарина и Мадди сели, раздался переливчатый звон, и по ступеням начали подниматься придворные дамы. В дорогих, но простых платьях.

Катти сидела так, что правую руку от нее была Мадди, а по левую – Ильтиона. И потому она, Катарина, могла рассмотреть и всю помпезную роскошь платья ванен Торн, и некрасивые, алые пятна выступившие на щеках Ильтионы, – та поняла, что утренняя настойчивость служанки была неспроста.

Здороваться с невестами-избранницами никто не стал. Дамы прогуливались вдоль стола, рассматривали платья и украшения, о чем-то похмыкивали и почти беззвучно перешептывались.

Катти покосилась на Мадди, та поиграла бровями, мол, чего-то сытного похоже ждать не стоит. Не сговариваясь, обе мэдчен потянулись за белым хлебом.

Положив кусочек на тарелку, Катти подумала о том, что не хватает мягкого творога. И в этот же момент рядом с ее тарелкой появилась крошечная тарелочка с творогом.

– Подумай о том, что ты хочешь съесть, – наклонившись к Мадди, произнесла Катарина.

Ничего другого мэдчен ван Ретт заказывать не стала. Взяв десертный нож, она намазала творог на хлеб, положила сверху несколько колечек персика и пластинку яблока. После чего увлеченно принялась кромсать эту красоту.

– Мэдчен Ильтиона ванен Торн, – обратилась одна из дам к соседке Катти. – За что вы получили это дивное ожерелье?

Вопрос оказался с подвохом – дама дождалась, пока Ильтиона начнет есть.

– За грубость и нетерпеливость, – с трудом ответила мэдчен ванен Торн.

– Вы собираетесь исправляться?

– Разумеется.

– Мэдчен Катарина ван Ретт. – Разговорчивая дама повернулась к Катти, пристально всмотрелась в украшение на ее шее и с приторной улыбкой произнесла, – дивно. Дивно и благородно. И за что же вы получили эту красоту?

– За сдержанность, мора, – спокойно ответила Катарина.

– Ах, а вы уверены, что я мора? – прищурилась дама.

– Вы придворная дама, в свите королевы не может быть незамужних мэдчен. А в свите принцессы – замужних мор. Но у нас нет принцессы, только королева, – ответила Катарина и с неудовольствием отметила, что «сдержанность» куда-то запропастилась.

Но мора только посмеялась и обратила внимание на Мадди, которая с удивительным спокойствием ела молочную кашу. А в вазочке рядом с ее тарелкой лежали шоколадные трюфели.

– Мэдчен Мадди ванен Скомпф. Дочь купца. Серебро, топаз и две медные капельки. Какое интересное сочетание. За что?

– За нетерпеливость и неподобающие разговоры, – спокойно ответила Мадди и отправила в рот ложку с кашей.

– Собираетесь исправляться?

Мэдчен ванен Скомпф не торопясь прожевала и спокойно ответила:

– Нет, мора.

Несколько секунд на лице дамы можно было прочесть невероятное изумление. Но, справившись с собой, она уже спокойно, с прежней сладкой улыбкой спросила:

– Почему же?

– Как я уже говорила, – улыбнулась Мадди, – Отбор пройдет, а я останусь. И что будет делать изнеженная фифа в купеческом доме?

– Что? – не удержавшись, спросила мора.

– Плакать, – как нечто собой разумеющееся ответила Мадди.

Катти с интересом посмотрела на Боудиру.

– Медь и гранит, – протянула мора, – впервые слышу о таком сочетании. Поведайте же, мэдчен Боудира ванен Крют, как вам это удалось.

Но Боудира промолчала. Дама вскинула брови, прищелкнула пальцами, и в ее руках появилось письмо. Такое же, как то, что получила Катарина.

– За неподобающее благородной мэдчен поведение, – выразительно прочитала мора, – и... драку?

– Хорошо, что я ничего не ела, – шепнула ошеломленная Мадди, – а то могла и подавиться. Ничего себе. С кем она подраться-то успела?

– Девять из десяти, что ударила служанку, – шепнула в ответ Катти. – Больше некого.

– Согласна, – кивнула мэдчен ванен Скомпф. – Будешь трюфель?

– С удовольствием.

Негромко переговариваясь, девушки съели трюфели и заказали чай.

– Почему мы не попросили чай, пока были конфеты? – удивилась Катти.

– Не знаю как для тебя, а для меня это два разных удовольствия, – улыбнулась Мадди.

Второй переливчатый звон, и придворные покинули террасу. Следом за ними поднялись все невесты. Кроме Мадди и Катти – девушки неторопливо допили чай и только после этого встали.

Но на улице не оказалось ландо. Совершенно пустая площадка и несколько лошадиных «яблок», как напоминание о том, что ландо здесь все же были. Были и укатали.

Катти стукнула тростью по мощеной площадке и вздохнула – очередная проверка? Вокруг ни единого человека. Все пропали, как по волшебству. И даже тот мальчишка, что никем не замеченным подстригал кусты, быстро и не оглядываясь ушел.

– Ничего себе, – протянула Мадди. – Наши благородные конкурентки специально сели так, чтобы занять все ландо?

– Очевидно.

– Может, кто-то из них хочет мельничный жернов в подарок? От принца? Ведь понятно же, что за нами наблюдают, – растерялась Мадди.

– Мы ехали меньше десяти минут, – улыбнулась Катарина. – Прекрасно пройдемся.

– А ты сможешь? – обеспокоилась Мадди.

– Смогу, – спокойно ответила Катти.

Мэдчен ван Ретт очень удивилась своей реакции на слова подруги. Обычно ее злило напоминание о ноге. Но сейчас... Сейчас это была искренняя забота. И она оказалась весьма приятной.

– А солнышко-то к зениту, – вздохнула Мадди. – Давай, что ли, с нижнего платья по полосе оборвем? И на голову наматаем? А то станем дурочками и начнем глупости творить.

– Например? – заинтересовалась Катарина.

– Например? Ну, например, мысленно корону примерять, – прыснула со смеху Мадди.

Рассмеявшись, мэдчен ван Ретт покачала головой и серьезно сказала:

– Я не могу этого допустить. Поэтому попрошу своих друзей нас защитить!

Мадди ничего не успела спросить, как увидела результат «просьбы» – кусты зашевелились и немного раздвинулись.

– Нам туда. Пройдем по узкой тропинке, по теньку. И никто нас не увидит.

– А откуда там тропинка? – удивилась купеческая дочка.

– Если честно, то не знаю. У нас в саду скрытых тропок нет. Но, с другой стороны, есть ведь в домах узкие коридоры для слуг? Вот и это, наверное, тропка садовника. Он тут ходит, смотрит, за порядком следит и никогда не попадаетесь мэдчен и морам на глаза.

У мэдчен ванен Скомпф округлились глаза:

– Это сколько места пропадает, если для прислуги все коридоры повторить?! Глупость какая. А зачем?

На тропинке как раз хватило места для двух девушек, хоть идти пришлось почти вплотную друг к другу.

– Это традиция, – пожала плечами Катарина. – Сложно объяснить то, к чему человек привык с рождения. Но я, кстати, часто хожу именно через коридоры для слуг. Некоторые места в доме для меня недоступны. Все гостиные левого крыла – там стоит потрясающая винтовая лестница, у нее очень крутой подъем. Я ее боялась, пока здоровая была, а уж теперь и подавно.

– А почему ее не перестроили? Ты же получаешься отрезана от части дома, – удивилась Мадди.

Катарина искоса посмотрела на подружку, вздохнула и перефразировала слова ванен Скомпф:

– Дочь уйдет в другой род, а лестница останется. На весь Луизет такая лестница всего одна. Гости приходят, любуются, но наверх редко кто поднимается.

– Такие высокие ступени? – нахмурилась Мадди. – Не могу представить.

– Напротив, низкие. Да ладно, Отбор кончится – позову в гости. Что?

– Ничего. Просто... Не думала, что ты допускаешь мысль общаться дальше, —пожала плечами Мадди.

– Мы неплохо узнали друг друга, – негромко сказала Катти, – за такое короткое время. А за месяц... либо сдружимся, либо станем врагами.

– Ну уж врагами, – фыркнула Мадди. – Ой, слышишь?

Негромкий звук шагов, еще тише – шорох подола по вымощенной камнем аллее.

– Что за Отбор ты устроил? – приятный, очень усталый женский голос.

– Я подошел с точки зрения разума, – холодный мужской.

Катти нахмурилась – голос был ей незнаком. Но, если судить логически, это ведь должен быть голос принца Хиллиарда?

– Разума? Жить с женщиной, ложиться с ней в постель, растить детей...

– Делать все разумно. Матушка, я знаю, что делаю.

– Это меня и пугает. Ты ведь не остановишься до тех пор, пока не станет поздно. Балбес. Весь в отца.

– Отец тоже подошел к Отбору с умом, – согласился мужчина.

– Да, и выбрал не меня, – хмыкнула королева, а Катарина была уверена, что это королева.

– Как не тебя? Что за ерунда, матушка? Я бы знал.

– А зачем тебе это было знать? Твой отец очень злится, когда я напоминаю ему о том Отборе. А я частенько ему напоминаю.

Королева мягко рассмеялась, и голоса удалились.

– Что-то я в растерянности, – протянула Мадди. – Это точно не голос дерра Хиллиарда. Уж что-что, а на голоса у меня память изумительная.

Выждав время, девушки вновь неторопливо пошли вперед. Все это время Мадди рассказывала, как у них работник переодевался и несколько раз приходил за деньгами.

– И ведь даже не постыдился. Воспользовался неопытной мной. Меня папенька первый раз поставил зарплату людям выдавать, – вздохнула мэдчен ванен Скомпф. – Тогда потери папа удержал из моего содержания. И за последующие месяцы я научилась фигурно штопать подол и различать людские голоса.

– Та-ак, а вечером кого-то из невест ожидает ужин с белатором Альтгаром.

– Этот голос я не слышала ни разу, – покачала головой Мадди. – А дерра белатора я слышала.

– Говорить «дерр белатор» – неправильно.

– Знаю, но дерры белаторы бесятся, если обращаться к ним просто «белатор».

– Да? – поразила Катарина. – Почему?

Мадди выразительно пожала плечами и проворчала:

– Да боги их знают. А мы люди простые, нам спорить с великими магами неуместно.

Кивнув, Катти немного ускорила шаг. Искалеченная ступня начинала ныть, и было бы неплохо найти скамейку. Если верить растениям, то впереди небольшая беседка.

– Ты чего так торопишься?

– Сесть хочу, – вздохнула Катарина.

– Болит?

– Ноет. Я раз в месяц мажу ступню особой мазью, и боль меня не донимает. Но вот если сильно нагрузить ногу, начинает ныть. Знаешь, такое чувство, что там внутри что-то вот-вот порвется.

– Надо было вернуться и требовать ландо. Или хоть кобылу завалящую, – буркнула Мадди.

Но мэдчен ван Ретт только покачала головой. И, хитро улыбнувшись, поманила подругу в сторону от тропинки.

– Давай посидим в теньке, я выращу нам вкусняшки.

Беседка, хоть и находилась неподалеку от основной аллеи, оказалась заброшенной. Цветущий вьюн радостно оплел ее всю и даже местами раскрошил мрамор.

– Красиво, – вздохнула Мадди. – Люблю такие места. У нас в Нижнем городе есть участок парка, так там статуя рухнула и травой заросла. А рядом еще и ручей. Я туда частенько повздыхать приходила.

Катти согласно кивнула и бросила прямо на мрамор несколько семечек. От мрамора к девушкам поднялась жесткая, лишенная листьев лиана, усыпанная крупной черешней.

– Ого. А это точно съедобно? – восхитилась Мадди.

– Точно, – усмехнулась мэдчен ван Ретт. – Лиана настоящая, а вот ягоды – плотная иллюзия и сладкий растительный сок.

– А на вкус как черешня, – восхитилась ванен Скомпф.

– Да. – Катти вздохнула. – Знаешь, травма сильно подстегнула меня. Мне же почти ничего нельзя – сладкое, жирное, жареное. Одним словом – вкусное. Я же мало двигаюсь, в основном читаю. Чуть вкусно покушаешь – растешь по все стороны. А я люблю читать с вкусняшкой. Вот и пришлось напрячь разум.

Подруги объели черешню, выплевывая косточки прямо на мрамор – они все равно исчезали, не долетая до пола.

– Полезный дар, – вздохнула Мадди. – У меня тоже неплохой, но твой интересней.

– А какой у тебя?

– Я одинаково вижу и днем, и ночью, – улыбнулась ванен Скомпф и, закатав рукав, показала часы. – Видишь, какие? Показывают не только который час, но время суток.

– Тонкое колдовство, – восхитилась Катти.

– У белаторов заказывали. Тогда же и узнали, что к ним нужно обращаться «дерр белатор».

Последнюю косточку Мадди удерживала на ладони до тех пор, пока та не растаяла. После чего мэдчен тяжело вздохнула и, не отрывая взгляда от опустевшей ладони, спросила:

– Тебе этот Отбор странным не кажется? Хроники я не читала, но точно помню рассказы родителей. Все, абсолютно все «ваны» приняли участие в Отборе. Было даже несколько степных эс-химэ.

– Да, про участие степнячек я читала, – кивнула Катарина. – Они не знали, в чем участвуют. Потом посол Келестина замучился объяснять эс-гурдэ, почему обе его дочери вернулись домой. А он их, оказывается, в подарок послал.

Мадди захихикала:

– А посол точно знал, о чем говорил? Кто ж своих детей дарит.

– Для степняков нормально дарить дочерей. Жен много, детей много. Сыновья могут работать, а дочерей либо замуж, либо, если дар есть, в услужение шаману. Посол их тогда обратно забрал. И сейчас вся столица молится на эс-химэ Тайтинн, величайшего детского целителя.

– А вторая?

– Где-то замужем, – пожала плечами мэдчен ван Ретт. – В Хроники попадают курьезы. А вне хроник информация есть только о целительнице Тайтинн. Ладно, посидели, и хватит.

– Ага, пока идем, проголодаемся, а там уже и обед, – фыркнула Мадди.

Вернувшись на тропинку, девушки пошли молча. Каждой было о чем подумать. Но ни одна не могла предугадать, что дворец невест-избранниц превратился в растревоженный курятник.

Вокруг дворца носились служанки с Росицей во главе. Несколько мужчин в ливреях, несколько магов-наставников в серебряных мантиях.

– Там явно происходит что-то интересное, – протянула Катти.

– Хочешь поучаствовать? Я бы чаю попила, у меня и карамельки есть.

– Да, надо признать, завтрак был не слишком сытный, – согласилась мэдчен ван Ретт. – Я так поправлюсь.

Девушки, под прикрытием кустов, пробрались в холл и разошлись по комнатам.

– Я тебя позову, как чайник закипит, – шепнула Мадди.

Кивнув, Катарина зашла в свою комнату и ахнула – в комнате явно кто-то побывал. Шкатулка с драгоценностями открыта, а кольцо, подаренной морой ван Ретт, лежит на полу у двери. Карикатура на белатора Альтгара пропала, но вместо нее на столе лежит изображение самой Катти. Неужели это сделал один и тот же человек?

Подобрав кольцо, она уложила его обратно в шкатулку и взяла в руки рисунок. Это была не карикатура. Но... набросок пугал – никто из присутствующих во дворце не мог видеть Катарины такой.

На рисунке она сидела в кресле с ногами. Волосы собраны в простую косу, трости нет, а в руках огромное яблоко. Ветер играет свободным локоном, а сама она широко улыбается. Катти помнила этот день – последний безоблачно счастливый день. Последний день до травмы и трости.

Вздвогнув, она отложила листок. Нет. Это просто совпадение. Возможно, она просто кому-то понравилась. Кто-то увидел ее именно такой. Что странного-то? Просто кресло, просто яблоко. У каждого в жизни были такие моменты. С креслом и яблоком.

До самого вечера Катти проходила рассеянная. Только и порадовалась, что ужин с белатором Альтгаром достался не ей, а Ильтионе. Одно жаль – эту язву вряд ли удастся расспросить. А если и удастся – скажет ли она правду?

ГЛАВА 5

К огромному удовольствию Катарини, «публичный завтрак» оказался мероприятием плановым. И повторится только тогда, когда невесты получат очередное украшение.

Но и сегодняшний прием пищи тоже не получалось назвать приятным. Серебряные приборы, костяной фарфор, цветы и белоснежная шелковая скатерть не отменяли весьма и весьма прискорбного факта – кушанья были до крайности диетическими. Возмутительно диетическими.

Вот и Мадди явно страдала так же, как и Катарина.

– Чтоб им всем провалиться, – вздохнула Мадди и ткнула ложечкой в студенистую массу, расположившуюся на тарелке. – Идея мысленного заказа любимых блюд мне нравилась больше. Это что, морская слизь?

– Это фруктовое желе, – процедила Ильтиона и демонстративно сунула ложку в рот.

Катарина только пожала плечами. Увы, теперь от соседства Боудиры и Ильтионы им не избавиться. То, как они все сели первый раз, повторилось и на обеде, и на ужине – у каждой тарелки лежала карточка с именем. Так что утро нового дня особой радости не принесло. За тем лишь исключением, что стол был круглый, и счастье от соседства с Боудирой могла ощутить не только Мадди, но и Альгра.

– Да? А похоже на сопли, – хмыкнула Мадди.

И опять потыкала желе ложечкой. Мэдчен ванен Скомпф веселило то, как трясется «изысканный десерт».

– Вкус у него такой же, какой и вид, – негромко сказала Катарина. – Это лакомство для тех, кто следит за своей фигурой. В нем нет сахара.

– Проще уж совсем не есть, – вздрогнула Мадди.

Помимо порций желе на столе также стояли творог и фрукты. И Катти начала подозревать, что за время Отбора ее фигура может усохнуть. Она, конечно, не против немного сбросить вес. Но предпочла бы сама принять такое решение, а не покориться воле судьбы.

Мадди же смотрела на творог с редким отвращением – она терпеть его не могла. Даже с вареньем или медом. Да с чем угодно! Несъедобная пакость.

– Я умру, – шепнула ванен Скомпф подруге. – Или возненавижу всю королевскую семейку.

– Говорят, что мы можем выиграть желание, – выразительно произнесла Катарина. – На одном из Отборов невесты получили право попросить у принца что-нибудь.

– И что, никто не попросил его жениться? – заинтересовалась Исира ванен Хальф.

Молчунья, она особо ни с кем не общалась. А вот Хрониками заинтересовалась. Катарина нахмурилась, неужели ту тоненькую книжицу дали только ей? Но все равно в каждой библиотеке есть Хроники Отборов.

– А это было испытанием, – улыбнулась Катти. – Те, кто попросили его жениться, – выбыли из Отбора. Восемьдесят семь штук.

– Людей в штуках не меряют, а уж невест – особенно, – прохладно заметила Ильтиона. На что Мадди фыркнула, опережая Катарину:

– Пфф, если невест больше ста – они все штуки, а может даже и с...

Катти пихнула локтем подругу, не давая той договорить. Еще не хватало ванен Скомпф обзавестись гранитной подвеской.

– Прошу прощения, чуть не вырвалась правда жизни, – ничуть не смутилась дочь купца. Катарина подавила смешок и негромко произнесла:

– Благодарю за приятную компанию, мэдчен. Это был познавательный завтрак.

– Вот уж точно, – проворчала Мадди и поднялась следом за мэдчен ван Ретт, – спасибо, дорогие, за приятную компанию. И тебе, серо-зеленая слизь, тоже спасибо.

В комнаты девушки, как и всегда, вошли по отдельности. Но уже через минуту Мадди оказалась у стола мэдчен ван Ретт.

– Сама рисовала? Вырасти черешню, умоляю.

– Секунду, – отозвалась Катти. – Рисовала не я, а черешня тебе не поможет. Она вкусная, но насыщения не будет.

Дочь купца душераздирающе вздохнула и осела в кресло.

– Знаешь, если вдруг будет повторение раздачи желаний, я потребую, чтобы принца посадили на диету, – умирающим голосом произнесла Мадди. – Право слово, на ужин трава, обед – так себе, про вчерашний завтрак вообще молчу.

Катарина рассмеялась и убрала рисунок в секретер. После чего села во второе кресло. Потешаться над страданиями подруги жестоко, потому она все же вырастила лиану с черешней. И спросила:

– И все же, неужели ты такая балованная?

– Папа никогда не жалел еды для домашних, – вздохнула Мадди и принялась ощипывать лиану. – А тут...

– На самом деле завтрак скудноват, – кивнула Катарина, – но не слишком. Заметь, с каким удовольствием Альгра и Альда ели желе.

– Фу.

– Согласна. Но им нравится.

Девушки немного помолчали. Мадди ела черешню и забавлялась с быстро исчезающими косточками. А Катарина пыталась высчитать, когда именно их будут знакомить с дуэньями. И как именно. Но самое главное – почему этого не произошло вчера? Ведь мора Ровейн была уверена, что...

– Что за шум? – нахмурилась Мадди.

Нет, не шум – скорее шелест сотен насекомых. Вкупе с перезвоном серебряных колокольчиков.

– Не знаю, вчера тоже люди суетились, – пожала плечами Катарина. – Я-то думала – нас потеряли. Но ни за обедом, ни за ужином никто и слова не сказал. Кстати, вчера нас должны были познакомить с дуэньями. И не познакомили.

– Дуэньи? А зачем? Нас здесь семь девиц, – хмыкнула Мадди, – мужчин-то нет.

– Пока нет, – выразительно отозвалась Катарина. – День-два, и тут начнут прогуливаться холостые юноши, не холостые мужчины и вдовы старцы.

– А вдовы зачем?

– Всем хочется любви, – пафосно возвестила Катарина. – Ты вчера спрашивала, почему я такая задумчивая.

Вчера мэдчен ван Ретт не стала рассказывать подруге о произошедшем.

– В общем, я нарисовала на белатора Альтгара карикатуру. И она пропала. Вместо моих каракуль появился мой портрет. И кто-то бросил к дверям мое ожерелье. Не то, что подарил принц, а то, что подарила мама.

– Не бросил, а пытался украсть, – наставительно произнесла Мадди и погладила пустую лиану. – У нас такая же охранка на складе. Когда вор с товаром подходит к двери, товар летит в одну сторону, а вор в другую. Только у нас там клетка стоит, а тут ничего нет.

– Странно. – Катарина нахмурилась. – На ожерелье гравировка и колдовская печать. Матушка все драгоценности так метит. Его и продать не получится, и носить тоже не выйдет.

Мадди с восторгом рассматривала ожерелье и, покусывая губу, спросила:

– Ты заранее знала об Отборе?

– Нет. Клянусь. Я даже ездила в башню белаторов просить их снять венец. Куда хромоножке Отборы проходить. Хотя пока все идет не так страшно, как мне казалось.

– Я тоже ездила к белаторам, – кивнула Мадди. – Слухи ходили, что все невесты имеют право на одну просьбу.

– И как?

– Отлично, папенька был счастлив – белатор Альтгар лично зачаровал все наши склады от грызунов. Я даже и не знала, что просьбы невест-избранниц выполняет именно он.

Катти задумалась: а ведь с ней общался другой белатор. Альтгар вышел из кабинета. Хотя, может, там какая-то своя иерархия? Но Альтгар – глава Совета белаторов, его сложно представить на складе. Это работа скорее для новичка.

Поделившись беспокойством с подругой, Катти замолчала. А вот Мадди пожала плечами:

– Так-то оно так. Вот только у меня отец тоже иногда выполняет совсем не свою работу. Когда хочет отвертеться от выполнения чего-то иного. Вот как-то надо было идти в гости к моей бабуле, маминой маме. Так папенька сбежал в лавку – говорит, торговать некому. Оно и понятно, бабуля его козлом степным величает, а он ее ведьмой.

Катарина рассмеялась и вспомнила, как матушка ушла в сад собирать розы – не захотела принимать у себя сестру отца. Мол, твоя родственница, тебе и разговоры разговаривать.

– У тебя на все есть ответ.

Но что-либо сказать Мадди не успела – резкий и сильный звук гонга подкинул обеих мэдчен в кресле.

– Это что? Гонг? Степной? – Мадди недоуменно моргнула. – Война? На нас напали? Давай возьмем швабру?

– Швабру? – оторопело переспросила Катарина.

– А чем отмахиваться будем? Если там степняки?

– Мы на территории королевской резиденции, – укоризненно заметила Катти. – Не нагнетай панику. А то я очень впечатлительная. Вставай.

Поправив прическу Мадди, Катарина пригладила свои волосы и поманила подругу на выход.

– Дышим ровно, смотрим спокойно. Делаем вид, что каждый день слышим гонг.

Что интересно, наружу вышли только они. В широком коридоре царил тишина.

– Это они уже выскочили на улицу или сидят у себя? – заинтересовалась мэдчен ванен Скомпф. – Может, и нам стоило скромно посмотреть из окошка?

Катарина пожала плечами. Но повторный, еще более резкий сигнал гонга заставил ее уверенно расправить плечи и пойти к лестнице.

– Мне кажется, нас торопят. И если вспомнить угрозу про пыль у ворот дворца – предлагаю подобрать подол и ускорить шаг!

– Звучит разумно, – кивнула Мадди и действительно перехватила подол поудобнее, обнажая щиколотки и простые, удобные туфли без каблука.

Неизвестность страшила – девушки, поначалу довольно резво спускавшиеся, начали красться. Вот только внизу оказалось тихо.

– На улицу? – предложила Мадди.

Катарина пожалала плечами и сказала:

– Сделаем круг вокруг дворца, как будто гуляем, и обратно в комнаты. А то что-то странное происходит.

Девушки едва успели сойти с крыльца, когда колдовская сила вытолкнула из дверей оставшихся пятерых невест.

– Напомни мне, если что, что ты всегда права, – хмыкнула Мадди. – Не хотелось бы проташиться через весь дворец. А если бы я на горшок пошла? Вот была бы потеха.

Пока невесты приводили себя в порядок, Мадди и Катарина осматривались. Но прекрасный парк пустовал.

Боудира кусала губы. Она была в ярости, ей хотелось хоть на кого-нибудь наорать. Но как проклинать магов? Это ведь все наверняка по приказу принца. А принца ругать нельзя. А ругаться хочется...

– А купчиха с хромоножкой прям в королевы метят. И на дворе раньше всех оказались. Что, думали, кто первый встал, того и принц? – процедила Боудира. – Могли бы и нас позвать, раз уж догадались.

– Ванен Крют, ты если на подъем тяжела, – фыркнула Катти, – то мы тебе помочь ничем не можем.

– И потом, – добавила Мадди, – хромая королева лучше, чем глухая. Тебя принц звать будет, а ты и не услышишь. Никто из вас не услышит.

– Все мы слышали, – вскинулась Ильтиона. – Но я и подумать не могла, что этот гадкий звук – призыв для благородных мэдчен.

– Копыта, – вдруг произнесла Альгра. – Слышите? Кто-то сюда едет.

Катарина прислушалась, звук исходил с той стороны, где располагался королевский дворец. Кто почтил их визитом? Король и королева? Принц? Совет белаторов во главе с Альтгаром?

За одну секунду Катарина и Мадди оказались позади остальных невест. Не потому что спрятались. А потому что остальные вышагнули вперед.

– Если будут стрелять, – хмыкнула Мадди, – то нам повезло.

– У нас в любом случае все хорошо, – рассмеялась Катарина. – Можем еще и на ступеньки встать – будет видней.

Катарина не знала, на что рассчитывали невесты. Но сама она была готова почти ко всему. Ко всему, кроме пошарпанного почтового дилижанса. Тройка взмыленных лошадей не добавляла картине лоска.

Невесты немедленно отступили. А вот Катти сделала шаг вперед. То, что происходило, вполне во вкусе моры Ровейн. По крайней мере, мэдчен ван Ретт так показалось – она не слишком хорошо изучила свою дуэнью. Но мужская одежда, грубоватые речи и почтовый дилижанс на территории королевского парка... Это все чем-то между собой схоже.

– Я даже не буду пытаться угадывать, – проворчала Мадди, – но определенно интересно.

Катти засмеялась, когда на землю соскочила мора Ровейн. В мужских брюках, белоснежной рубашке, тесном корсаже с пришитыми фалдами. И широкой улыбкой. На ее фоне остальные выходящие женщины, во вполне привычных платьях, как-то потерялись.

– Цветник, – прицокнула она. – Кто Катарина ван Ретт, шаг вперед!

Катти шагнула и склонила голову. Она помнила, что для окружающих они с Германикой незнакомы.

– Поладим! – Мора Ровейн хлопнула Катти по плечу и шепнула: – Подруга есть?

– Ванен Скомпф, – одними губами ответила ничего не понимающая Катарина.

– Вернитесь в строй, мэдчен ван Ретт, – приказала Германика.

За четыре минуты между невестами были распределены дуэньи. И только Боудира осталась недовольна:

– Почему ван Ретт сразу с дуэньей, а нас выбирали?

– Потому что она – ван, – коротко ответила мора Ровейн.

«Спасибо, мора Германика, – мысленно вздохнула Катти. – Дразнить собак ваше любимое занятие, но не мое».

Зато Боудира отшатнулась так, будто ее ударили.

– Законы учить надо, – вполголоса фыркнула Ильтиона и сладко улыбнулась. – У ванов обслуга должна обладать некоторыми особыми умениями.

И так это похабно прозвучало, что Мадди не удержалась от смешка. Зажав себе рот, она послала Катарине извиняющийся взгляд. Та только вздохнула. А мора Ровейн только поправила волосы и сообщила:

– Абсолютно верно, мэдчен, абсолютно. Когда девушка обладает магическим даром, то дуэнья должна превосходить свою подопечную как минимум вдвое.

А вот это прозвучало угрожающе. Ильтиона ванен Торн нервно улыбнулась и присела в реверансе. Шутить со взрослым магом желающих не нашлось. Тем более что мора колдунья не представилась, и определить ее статус было невозможно.

Катарина же замерла, пытаясь понять – отчего у моры Германики Ровейн нет приставки «ван» или «ванен».

– Так, ну что стоим-то? Гонг все слышали? – Мора Ровейн встала перед неровным, неуверенным строем невест.

– Слышали, – за всех ответила Катарина.

– Теперь будете слышать его чаще, – широко улыбнулась Германика. – Одна из вас станет королевой. И абы на кого венец не наденут. Как вы уже ощутили, те, кто с первого раза не поймет, что пора выходить, – будет вылетать. И в следующий раз – через собственное окно.

Невесты молча внимали.

– Ваши дуэньи осведомлены гораздо лучше вас. Советую прислушиваться к нашим советам.

– А советы будут такого же качества, как и предложение выйти к завтраку в вечернем платье? – нервно спросила Исира.

– А это вы решите сами, – подмигнула мора. – По комнатам! Раз! Два!

«Три!» прозвучать не успело – невесты рванули к ступеням. Отпихивая друг друга локтями? благородные мэдчен исчезли за дверью.

– Мора Ровейн, что происходит? – с тоской спросила Катарина. – Это же кошмар какой-то!

Мадди согласно кивнула. Но вместо моры Ровейн ответила дуэнья мэдчен ванен Скомпф:

– Девочки, милые, а вы действительно думаете, что в Хрониках написана правда?

– Или что в Хрониках описано все? И ничего не осталось в отклоненных черновиках? – добавила Германика. – Будут балы и красивые конкурсы. Но и другие испытания тоже будут. Неужели вы считаете, что можно выбрать королеву, узнав, как она поет, танцует и что-то там еще, не помню?

Переглянувшись, девушки пожали плечами. Они как-то смутно представляли себе значение королевы для страны. Вроде как рядом с королем всегда стояла красивая женщина в короне, улыбалась, махала рукой людям и больше ничего не делала.

Мора Ровейн вздохнула и кивнула:

– Вот-вот, а потом они плачут – где мой бал и зачем здесь столько дел. Идемте.

Германика пошла вперед, за ней так и не представившаяся дуэнья Мадди. Подруги потопились следом.

– Знаешь, а ведь меня с детства учили считать, – шепнула ванен Скомпф, – правильно покупать и вести дом. Так, чтобы стол был обилён, но при этом ещё и экономно. А пока муж с обозом идет, я смогу заменить его в лавке.

– На целительском доме висит мраморная табличка «Королевский патронат», – добавила Катарина. – Знаешь, я как-то не задумывалась, для чего нужна королева.

– Мне казалось, для того, чтобы принцев рожать, – честно сказала Мадди. – Она ведь не на виду. А если подумать, то дворец – это же королевский дом. Боги милосердные, какое счастье, что я дочь купца. Принц не пойдет на такой мезальянс.

– У королевы есть двор, – возразила Катти. – Ей помогают ее дамы.

– Которых больше десяти, и у каждой свое мнение, – покивала Мадди. – У моей матери есть первая помощница – жена папиного первого помощника, и вторая помощница – жена папиного второго помощника. Так вот когда они продумывают меню на общий праздничный стол... Знаешь, я в такие дни из комнаты не выхожу. Потому что моя мама – хозяйка в своем доме. Но ее помощницы тоже обладают некоторыми правами. А тут знатные моры. И королева должна сделать все по-своему, потому что она первая дама страны, но при этом еще и никого не обидеть. А если обидеть, то не сильно и ненадолго.

Идущая впереди мора Ровейн усмехалась. Ее сила позволяла подслушать разговор девушек. Хотя Германика немного сожалела, что Катти не стала высказывать своего мнения.

– Единственное, чего мне сейчас хочется, – вздохнула мэдчен ван Ретт, – это узнать, по каким параметрам нас выбрали.

Германика повернулась, широко улыбнулась и произнесла:

– Каждая из вас хотела принять участие в Отборе.

– Нет! – хором возмутились Мадди и Катти.

Но мора Ровейн развела руками:

– Я была в башне белаторов. Я знаю весь список принца Хиллиарда. Никто не хочет повторения прошлого Отбора.

И с этими словами мора Ровейн растворилась в воздухе. Как принц. Девушки переглянулись и пристально посмотрели на оставшуюся дуэнью.

– Вы можете обращаться ко мне «мора ванен Рохет». Мора Ровейн сказала правду, дуэньям известны все пожелания принца Хиллиарда.

– Что произошло на прошлом Отборе? – напряженно спросила Катарина.

– Это вас не коснется, – покачала головой мора Рохет. – Мэдчен Мадди, пройдемте со мной. У нас с вами впереди много работы.

Мадди бросила панический взгляд на Катарину, но последовала за своей дуэньей.

Негромко постукивая тростью, мэдчен ван Ретт дошла до своих покоев. Криво усмехнувшись, щелкнула пальцем по табличке с именем и вошла внутрь.

– Почему грустишь, Цветочек? – Мора Ровейн полулежала в кресле. Точно так же, как и тогда, когда Катти увидела ее впервые.

– Я перестала что-либо понимать, – грустно произнесла Катарина.

– Сядь и поплачь, – предложила Германика. – Или послушай меня.

– А есть вариант сесть и послушать? – невольно улыбнулась Катти.

Мора Ровейн рассмеялась и кивнула подопечной на кресло:

– Падай уже, Цветочек.

Но падать ван Ретт не стала. Осторожно присела и, устроившись поудобнее, выразительно посмотрела на свою дуэнью.

– Во-первых, прости, что напугала тебя. Я пообещала прибыть вчера, а прибыли мы все только сейчас. И да, опоздали из-за меня. Во-вторых, не бойся ничего, что будет происходить на Отборе.

– Одна ваша последняя фраза, мора Ровейн, способна довести до паники, – возмутилась Катарина.

– Понимаю, – кивнула Германика. – Я физически не могу открыть тебе королевскую тайну. Мне и так крепко досталось. Но этот Отбор испугал меня – прийти и сказать своей лучшей подруге, что не уберегла ее дочь... Это было бы слишком тяжело для меня. Поэтому я рискнула обыскать кабинет его величества.

Катарина ахнула:

– И ты выжила? То есть, простите, и вы выжили?

Дуэнья пристально посмотрела на Катти, помолчала и ответила:

– А мне нравится. Говори мне «ты», Цветочек. Наедине. И да, я выжила. Еще бы я не выжила. Зато могу гарантировать – все странности Отбора имеют под собой одну очень простую причину. И ваше малое количество – тоже. И все, гм, дополнительные негласные испытания. И, самое главное, – твоя жизнь вне опасности.

Вытащив из-за рукава семечко, Катти бросила его на пол и сорвала с выросшей лианы клубничинку:

– Ты издеваешься? Мора Ровейн, это ведь как нищему показать золотой. Может, ты хотя бы назовешь все параметры?

– Только несколько, – покачала головой мора Ровейн. – Внешность, желание участвовать и отсутствие нежных чувств к кому-либо.

– Но я не хотела, – нахмурилась Катарина.

Германика резко скинула ноги с подлокотника, села как приличная мора и ехидно спросила:

– Ни вот настолечко? Никогда-никогда не думала о том, что ничем не хуже других? Не хотела доказать окружающим, что твоя травма ни на что не влияет? Не мечтала перед сном всех удивить?

Резко покраснев, Катти отвела глаза и тихо прошептала:

– Так ведь я просто так. Просто... Помечтать перед сном – это одно. А хотеть – совсем другое. Я много о чем перед сном мечтала! И где, спрашивается, мой принц на золотом драконе? Вместе с семенами Тор-иль-Ротра?

– Тор чего? – ошеломленно переспросила Германика.

– Это исчезнувший вид колдовской фиалки, – буркнула мэдчен ван Ретт. – Я просто пытаюсь сказать, что то, о чем люди мечтают перед сном, далеко не всегда должно сбываться.

– Значит, тебе не стоило мечтать об Отборе именно тогда, когда Око Богини искало невест для принца, – развела руками мора Ровейн. – Око работает лишь одну ночь. Мечтала бы о своем золотом драконе – осталась бы в поместье.

В комнате повисла тишина. Мора Ровейн с большим удовольствием лакомилась клубничкой. А Катти задумчиво вертела в пальцах единственную сорванную ягоду.

– Значит, никто из девушек ни в кого не влюблен, – протянула Катарина. – Что ж, по крайней мере, наш принц умен и не жесток. Подошел к Отбору с умом.

Это напомнило Катти о подслушанном разговоре. Вот только сможет ли мора Ровейн ответить на вопрос? Или наличие подставного принца тоже часть королевской тайны?

Мора Ровейн хитро улыбалась и обрывала с лианы узкие листочки. Ей нравилось наблюдать, как те исчезают, не долетая до пола. Но гораздо больше ей нравилось смотреть на свою подопечную – между бровей залегла крохотная морщинка, тонкие пальцы нервно барабают по подлокотнику кресла. Девочка думает.

– Что входит в твои обязанности? – спросила Катарина.

– Официально? Оказывать принцу и главе Совета белаторов всяческое содействие. И одновременно пресекать беспорядки во дворце невест.

– Тут еще и беспорядки могут быть? – поразилась Катарина.

– Боудира оттаскала за волосы свою служанку. Дважды. Один раз – когда получила свой подарок, второй – после того как девушка посоветовала ей надеть к завтраку вечерний наряд.

Катти склонила голову, щелчком пальцев убрала лиану и задумчиво произнесла:

– Когда ты сказала, что одно из условий – отсутствие влюбленности, я подумала, что принц благородный человек. Но сейчас мне так не кажется. Скорее он преследует свою цель и одновременно облегчает себе ее достижение.

– Почему ты так решила?

– Потому что умный человек не может не понимать, что гнев обманутых мэдчен обрушится именно на тех, кто дал такой совет. От прислуги никто не ждет подвоха... Это еще одно испытание, верно? И поражено сразу несколько целей – посмотреть, кто из невест «ведомый», а также, кто из «ведомых» истеричен и жесток.

Помолчав, Катти добавила:

– Умом понимаю, что это правильно. Но как же мерзко. Только одно радует: если этот Отбор зайдет слишком далеко и принц переступит грань, за которой цель перестанет оправдывать средства, – избранница сможет ему отказать.

– Ты думаешь, что, например, твой отец позволит тебе отказать?

– Жить с мужем мне, а не отцу, – пожала плечами Катти. – Одной, без поддержки семьи, мне придется тяжело. Но вряд ли тяжелее, чем с циничным и хладнокровным аналитиком.

Мора Ровейн коротко кивнула и улыбнулась:

– Но ты же понимаешь, что мы говорили исключительно гипотетически? Принц прекрасный и благородный человек.

Спрашивать, входит ли в обязанности Германики восхваление принца Хиллиарда, Катти не стала. И без того понятно, что никто не позволит хулить королевскую семью.

– За обедом одна из вас получит письмо-приглашение на ужин.

– С белатором?

– С принцем Хиллиардом.

– А где логика?

– Отбор создан для того, чтобы найти супругу для принца Хиллиарда, – нахмурилась Германика. – Что странного в том, что постепенно он поужинает с каждой из своих невест?

– Ничего, кроме того, что вчера с одной из невест ужинал белатор Альтгар.

Но мора Ровейн только пожала плечами, легко вскочила на ноги и велела:

– Будь хорошей девочкой. А если решишь плохо себя вести – не попадайся.

Подмигнула и исчезла. Растворилась. Катарина же поднялась и направилась через спальню в ванную комнату.

В ванной комнате Катти столкнулась с Мадди. Та несла в руках большой бумажный кулек.

– А вот и завтрак! Папенька за меня очень беспокоился. И приплатил кому надо, чтобы мне кое-что передали. Захвати чайник, – Мадди мотнула головой в сторону своей комнаты.

Но выйти с чайником Катти не удалось. Ее и не откинуло, как воровку, но и не пропустило.

– Да чтоб вас, – вздохнула мэдчен ван Ретт. – Мадди! Я застряла!

Но как только переполошившаяся дочь купца влетела в свою спальню, Катти тут же смогла двинуться.

– Ну надо же, как сэкономили-то на защите, – буркнула Мадди. – Прости, я думала, защитка как наша. Вот и сказала «прихвати чайник». А в чайнике – вода. Вот тебя и не отпустило. Эх, экономисты.

– Ничего не поняла, – отозвалась Катарина.

– Есть несколько поколений защит. Первое – как блин, комковатое и глупое. Второе – чуть получше. Третье и четвертое – совсем хороши. Вот я и не могла представить, что у купца третье поколение, а во дворце невест – второе. А то и первое, тут уж проверять-то не хочется.

Мадди сноровисто накрывала на стол. И посматривала на задумчивую подругу, которая так выразительно взвешивала в руке чайник, что становилось страшно.

– Катти, ты им в меня запустить собираешься? – наконец не выдержала ванен Скомпф.

– Нет, прости, – Катарина поспешно поставила чайник на нагревательный круг. Эта округлая пластинка стояла в обеих комнатах, а вот чайник был один.

– А что тогда?

– Чайник у нас вроде как один на двоих, вода и вовсе не твоя, а набрана из крана. Но защита меня не пропустила.

– Говорю же, второе, а то и первое поколение. Эх, ты посмотри, какая колбаска, а? Свиная, домашняя. С перчиком. М-м-м, сыр.

Катарина с интересом оглядела стол. Широкая, промасленная бумага, а на ней несколько вареных яиц, три колечка колбасы, полголовки острого сыра и пышный белый хлеб.

– Как же мы сейчас поедим! – с наслаждением произнесла Мадди и порвала хлеб руками. – Что? Все равно ножа нет. Налетай!

С выразительным вздохом Катти взяла ломоть хлеба и откусила.

– А колбасу чего не берешь? Она легко ломается, смотри. Бери. Невкусно, что ли? Или не пробовала никогда?

– Очень вкусно, меня иногда на кухне угощали. Просто нельзя мне много, говорила же. Мало двигаюсь и полнею.

Но под крепкий сладкий чай девушки умяли половину. И, устроившись в кресле, Катарина с недоверием смотрела на собственный живот – как туда столько влезло?!

– Да не так много мы и съели. Это просто с непривычки, два голодных дня. Зато мой жених всех своих подружек разогнал. Шутка ли, женится на той, что была к Отбору приглашена. Теперь как индюк напыщенный ходит. «Моя Мадди то, моя Мадди сё». Это папенька мне написал.

– Ты рада?

– А почему нет? Мне с ним проще будет. – Ванен Скомпф приложила руку к груди. – Рочек, я ради тебя принцу отказала, а ты... Я же люблю тебя больше жизни!

И девушки рассмеялись.

– У нас брак по договору. Я всю его подноготную знаю – и что играет, и что за девицами увивается. А мне и хорошо – свекор после свадьбы на меня все перепишет. Потому как Рочеку доверять нельзя. А я сберегу и приумножу ради детей.

– Тебя это устраивает? – тихо спросила Катти.

– Ты мне лучше про чайник расскажи, – резко сменила тему Мадди. – В кого кинуть хотела? А то еда нас с пути сбила, а мне любопытно.

Катарина с секунду вспоминала и опять нахмурилась:

– Да, чайник. Меня с водой и общим чайником из твоей комнаты не выпустило заклятье. А рисунок мой тогда как унесли? Но при этом ожерелье на полу осталось.

– Значит, два разных человека воровали. Одна дура-невеста и... А может, это служанка? И она понесла твой рисунок Альтгару?

На рисунке глава Совета белаторов был изображен без какого-либо почтения. Так что Катарина сильно сомневалась, что сильнейшему из белаторов такое подношение может понравиться.

– Наверное, ты права, – все же согласилась она с подругой. – Служанки определенно могут выносить вещи из комнат – иначе они не смогли бы прибираться. Но вопрос в том, кто оставил мой портрет, остается открытым... Давай по саду прогуляемся?

Им повезло никого не встретить – невесты «отходили» от знакомства с дуэньями. Так предположила Мадди. А Катарина подумала, что девушки готовятся к ужину.

– Так ведь впереди обед, – возразила ванен Скомпф.

– Некоторые маски накладывают в три этапа. Или тебе дуэнья не сказала?

– Что за обедом кто-то получит приглашение на ужин? От принца Хиллиарда? Сказала. И я тут подумала, а что если они оба себе жен подбирают? А что? Глава Совета белаторов – практически король. В то, что белаторы находятся в подчинении, я не верю. Папа даже объяснял почему, но я не смогу повторить.

Цветы подсказали Катарине, что рядом с дворцом есть три беседки. Но мэдчен ван Ретт планировала вести крамольные речи и потому выбрала совсем другое место.

Поваленный древесный ствол, крохотный прудик и цветущие в нем лотосы – все это покорило мэдчен ванен Скомпф.

– Как будто в волшебном лесу!

Катти побарабанила пальцами по упавшему дереву и хмыкнула – подделка. Весь пейзаж – не более чем кропотливая и талантливая работа садовника. А может, даже и садовника с колдовскими способностями. Но огорчать Мадди она не стала.

– Ты ведь не просто так вытащила нас на природу? Мне, если что, рассказать особо нечего. Кто-то поужинает с принцем – вот и все. Ну и еще – теперь мне придется заново изучать манеры. Мора ванен Рохет обмолвилась, что на предстоящем балу не позволит мне ее опозорить.

– Значит, не только мы зависим от дуэний, но и они от нас? – Катти со вздохом потерла переносицу. – Как же все запутано.

– А ты что узнала?

– Я узнала, что этот Отбор не так сильно отличается от остальных. Нас будут оценивать и официально, и исподтишка. На фоне трех критериев – внешность, отсутствие влюбленности и желание принять участие в Отборе – становится жутко. Да еще и мора Ровейн клятвенно заверила, что смертельная опасность нам не грозит.

Передернувшись, Мадди буркнула:

– Это как наш сосед, завел себе пастушьего пса, а тот оказался с дурнинкой – на людей бросается. Так я как-то иду по улице, а сосед в гости зовет. Держит своего кобеля за ошейник и лепечет: не бойся, тыковка, не укусит. Вот что-то меня сейчас такое же ощущение прохватило.

– Думаешь, рядом злобный кобель? – хихикнула Катти.

Громкий треск заставил девушек подпрыгнуть и резко развернуться. К пруду вышел белатор Альтгар. И Мадди неудержимо захихикала. Катарина стиснула кулаки, убеждая себя, что благородный маг совсем не похож на злобного... пса.

– Что вы здесь делаете? – недовольно спросил белатор, чьи планы посидеть в тишине явно были нарушены.

В ответ раздался мучительный стон мэдчен ванен Скомпф и тихий смешок мэдчен ван Ретт.

– Нам захотелось сказки, белатор, – коротко ответила Катти и удобнее перехватила трость.

– Мэдчен ванен Скомпф, будьте столь любезны обрести сказку в своей комнате. У дуэний важная информация для невест.

Бросив на подругу извиняющийся взгляд, Мадди ушла. Правда, зайдя белатору за спину, жестом показала: «Если что – кричи». Жест вышел выразительный – ванен вытаращила глаза, округлила губы и сдавила сама себя за шею.

Катти присела на бревно и устремила взгляд на цветущие лилии. Альтгар остался стоять позади нее, так что мэдчен ван Ретт было немного проще – она не видела его лица. Увы, природа подарила белатору чрезмерно привлекательную внешность.

– Полагаю, что я должен извиниться перед вами за сцену в Башне. Вы показались мне корыстолюбивой и невоспитанной мэдчен.

– А теперь?

– Теперь я нахожу вас просто невоспитанной, – усмехнулся белатор.

Вспыхнув, Катарина резко повернулась и, чуть не упав, выпалила:

– Ваш характер ковали в преисподней, белатор Альтгар! Приносите свои извинения и позвольте мне оставить вас в «сказке» – меня уже заждались важная информация.

– Не стоит так бурно реагировать, – хмыкнул Альтгар, – порядочная мэдчен должна быть тиха, прекрасно воспитана и покорна воле отца, а затем и мужа.

Катти молча смотрела на этого гадкого насмешника и даже не знала, что ему ответить.

– Что ж, белатор Альтгар, позволю вам и дальше оставаться в плену собственных заблуждений, – нашла она наконец. – И, в качестве жеста доброй воли, можете оставить свои извинения при себе – они вам по жизни очень пригодятся.

– Вас так зацепили мои слова? – Белатор направился следом за девушкой и чертыхнулся, когда трава оплела его ноги. – Катарина, нападение на белатора карается смертной казнью.

– Зато опорочить невинную девушку – бесплатно и законом не карается, – холодно бросила Катти. – Конечно, только в том случае, если мужчина полезен государству. Часто пользуетесь своим преимуществом?

Альтгар расхохотался:

– Вы просто несносны, мэдчен ван Ретт. Неужели никто не подсказал вам, что женщина должна казаться глупее мужчины? Этак вы никогда мужа не найдете.

Глубоко вдохнув, Катарина напомнила себе, что белаторов действительно бить нельзя. И что она приличная, воспитанная мэдчен. Чтобы ни говорил этот хам.

– Я вам чем-то настолько не нравлюсь?

– Я просто вас не понимаю, – неожиданно серьезно ответил он. – А еще у вас губы такие...

Она, зачарованная неожиданной сменой темы, переспросила:

– Какие?

– Как будто пчела укусила, – подмигнул белатор и растаял в воздухе.

И хорошо, что растаял, – по тому месту, где он стоял, ударила трость. После чего, не говоря ни слова, мэдчен ван Ретт подобрала свою извечную спутницу и похромала ко дворцу.

За обедом она продумывала план мести и даже не заметила, что узкий белый конверт лежит именно возле ее тарелки.

– Катти, – зашипела Мадди, когда они встали из-за стола. – Конверт с собой возьми!

ГЛАВА 6

Войдя в комнату, Катарина бросила конверт на стол. Он с шорохом прокатился по стеклянной поверхности и упал на ковер.

– Нельзя же так, – укорила подругу Мадди. – Подумай только, ведь к этой бумаге прикасались руки самого принца Хиллиарда!

Катти подозрительно покосилась на веселящуюся подругу и хмыкнула:

– Предлагаешь положить под подушку?

– Да нет, это я от неожиданности. Ты так швырнула письмо, и я просто растерялась, – развела руками Мадди и подобрала конверт.

– Белатор Альтгар крайне невоспитанный тип, – вздохнула Катарина. – Выбил меня из равновесия.

– Учитывая то, что тебе сказала мора Ровейн, – здесь все только этим и занимаются, – заметила Мадди. – К тому же на ужин ты идешь с принцем. Ну, будешь показывать свои маски?

Катти не сразу поняла, о чем говорит подруга. А осознав, о чем речь, рассмеялась и покачала головой:

– Нет у меня ничего такого. Сейчас выращу кое-какую полезную травку, перетру в кашицу и нанесу на лицо.

– Так она же исчезнет? – удивилась Мадди.

– В этом и смысл, – подмигнула Катарина. – Кожа начинает как будто изнутри светиться. Как жемчуг. Я же тебе говорила, что магией растения можно выращивать для разных целей.

Мадди тут же закивала – она ни слова не поняла из прошлой лекции и нарываться на следующую не хотела. Не всем дано быть прилежными учениками. Кто-то и об обычных, приземленных делах должен заботиться.

– Так ты вскрывать письмо собираешься или нет? – поторопила она Катти.

Неуверенно улыбнувшись, Катарина взяла с секретера изящный ножичек для корреспонденции и вскрыла конверт. Изнутри немедленно вырвался полупрозрачный цветной дым и распался на части которые превратились в ярких и крупных бабочек. По комнате разлился сладкий цветочный аромат.

– Радуги не хватает, – выдавила из себя ошеломленная Катарина. – Я теперь буду как отец – проверять всю корреспонденцию особым амулетом.

– Зачем? – удивилась Мадди и подставила бабочке ладонь.

– Затем, что это могло быть проклятье. В письмо всякое можно вложить, но раньше я об этом не думала.

– Ой, ладно тебе, – отмахнулась ванен Скомп.

– Если бы ты это письмо в руках держала – я бы на тебя посмотрела, – не согласилась Катарина. – Вот почти так же выглядит «дым-душителъ». И еще с десятков заклинаний школы Воды.

– А не Воздуха?

– Вообще, дым относится к огню, но люди почему-то цветные туманы окрестили цветным дымом, – Катти вытащила бумагу из конверта, – а спорить с людской молвой бессмысленно. Так что на самом деле «дым-душителъ» – это «удушающий туман», а туман – это часть водной стихии.

– Да читай уже, – в нетерпении потерла руки Мадди.

– Янтарная беседка, в девятнадцать ноль-ноль, – прочитала Катти. – Ни имени, ни даты, ни подписи. Видимо, воспитания хватило только на иллюзию.

– Катарина, – укоризненно заметила Мадди, – это принц. Будущий король. Он, увы, может хоть верхом на хряке приехать – ему простят.

– Я бы посмотрела, – вздохнула Катарина и серьезно задумалась, а стоит ли заморачиваться с маской для лица?

– Тебе помощь в сборах нужна? – деловито спросила Мадди. – Я как-то маменьке помогла собраться на день рождения соседки. Тогда не очень получилось – кто ж знал, что нельзя брови углем красить? Но могу попробовать еще раз!

– Спасибо, думаю, вскоре должна прийти Росица. А если нет – справлюсь сама. Ты мне только корсет затянешь – у парадного платья шнуровка на спине.

– Тогда у наших конкуренток все платья парадные, – хмыкнула ванен Скомпф, – а у меня ни одного. Я и этому, как его, ну который всем одежду шил, сразу сказала – шнуровка спереди. Нечего мне жизнь портить.

– Ты чудо, – искренне сказала Катарина. – Я позову тебя, если Росица не придет.

Когда Мадди ушла, Катарина набрала ванну и с довольным вздохом устроилась в горячей воде. Она продолжала решать в уме сложнейшую головоломку – делать маску или нет? Нарядиться для принца или идти в привычном облике обычной мэдчен?

Закрыв глаза, Катти пыталась представить: каково оно, выиграть Отбор? Но увы, картинка не складывалась – слишком мало информации. Только книги заканчиваются свадьбой. А вот в жизни после свадьбы происходят самые интересные открытия: любимый храпит, привередничает в еде и, о ужас, любит проводить время со своими друзьями. То джентльменский клуб, то скачки, то еще какая-нибудь пакость.

Вздыхнув, Катарина потянулась за губкой. Ну почему ей в голову лезут только пессимистичные варианты? А вдруг принц другой?

«Угу, – скептически сказала она самой себе, – спит и видит, как посвятить себя жене. Закадычных друзей не имеет, не спит, не ест – учит поэмы и стихи. Все ради того, чтобы под окнами жены их петь».

Голову мыть Катти не стала – волосы могут не успеть просохнуть. Закутавшись в халат, она подошла к шкафу. Теперь он делился на две половины – в одной стороне висели ее вещи, в другой ее же, но авторства мэтра Баско.

Выбрать платье было нелегко – Катарина помнила о том, что впереди бал. И, может, даже не один. Значит, самые роскошные, самые интересные вещи следует оставить на потом. Потому, пристально оглядев четыре потрясающих платья, Катарина потянулась к последней, пятой вешалке. И вытащила на божий свет мужской костюм. В точности повторяющий наряд моря Ровейн.

– А это как сюда затесалось? – удивилась Катти. – Наверное, Германика тоже у него одежду заказывает. Надо же. Надо будет ей сказать, чтобы забрала.

Повесив обратно, мэдчен ван Ретт перевела взгляд на свои вещи. И решительно потянула любимое платье. Цвет морской волны, хоть Катарина никогда и не была на море, но словам модистки верила. Изящный растительный орнамент – Катарина на всех платьях просила цветочную вышивку. А главное – благородная простота.

Росица так и не пришла. И Катарина, тщательно расчесав волосы, оставила их распущенными. С платьем помогла Мадди.

– Помочь тебе накраситься? – предложила подруга.

– Нет, просто составь компанию.

Подкрасив губы, Катарина провела тонкую линию вдоль ресниц, темных и густых от рождения. Что нехарактерно для пепельных блондинок. Но Катти была довольна и роптать на природу не собиралась.

– И все? – разочаровано спросила Мадди.

– Мама учила идти по возрастающей, – отозвалась Катарина. – Надо каждый раз выглядеть все лучше. А когда дойдешь до своего потолка – не позволять себе опустить планку.

– Планку? Это вроде штучка на кухне, нет?

– И часть снаряда для воинской тренировки, – кивнула Катарина, – они одинаково называются. Задрать планку – поднять эту штуку повыше. Не знаю зачем, но выражение привязалось.

– А мне вот интересно, ты на ужин пойдешь одна или с дуэньей?

– Я что-то тут никого не наблюдаю, – вздохнула Катарина. – Я могла бы сидеть в комнате, ожидая моря Ровейн.

– И умереть от голода? – поразились Мадди. – У нас единственная стоящая пища появляется на столе только по вечерам.

– Не думаю, что, ужиная с принцем, я смогу спокойно поесть, – с сомнением произнесла Катарина.

– Но это будет исключительно твоя вина, если ты не сможешь поесть, – фыркнула ванен Скомпф. – Позавтракать же мы смогли? А принц, он хоть и принц, но один. К тому же он, возможно, самозванец. Так стоит ли его так бояться?

Девушки рассмеялись, и Катарина согласно кивнула и произнесла:

– Никого не стоит заранее бояться.

Время до ужина пролетело незаметно. Мадди с заговорщицким видом извлекла из-за корсажа колоду потрепанных карт. Ванен Скомпф была уверена, что откроет своей благородной подруге дверь в другой мир, мир игр. Но Катарина только фыркнула и доверительно сообщила, что они с нянюшкой вдвоем обыгрывали и конюха, и кухарку.

– У вас хороший дом, – рассмеялась Мадди.

– Не в столице, – покачала головой Катарина. – Я жила в предместьях. У нас там маленький дом. Всего и людей – я, няня, кухарка, конюх и две служанки. Конюх и воду таскал, и дрова колол.

– А почему ты там жила?

Катарина выразительно посмотрела на свою трость.

– Многие думают, что это врожденное. Будет тяжело найти Леандеру жену, если я буду постоянно на виду.

– Леандер – это твой брат?

– Да.

Дверь открылась без стука. И мора Ровейн, чуть запыхавшись, грозно спросила:

– Ты готова? Почему так просто одета?

– Как смогла, мора Ровейн, как смогла, – ангельским голосом протянула Катти.

– Росица не явилась, – сдала служанку Мадди. – Я затянула корсет.

– Перетянула, – уточнила Катарина.

– Талия стала выразительней, – отмахнулась ванен Скомпф.

– Да, а внутренними органами можно пренебречь, – едко отозвалась Катарина. – Пожелай мне удачи.

– Удачи, – улыбнулась Мадди. – Вернешься – иди сразу ко мне. С меня чай со смородиной, с тебя информация.

Катарина коротко кивнула. Они с Мадди придумали целую систему знаков – на тот случай если с мэдчен ван Ретт возьмут клятву о неразглашении.

Мора Ровейн шла не быстро. Но при этом непрерывно ворчала себе под нос.

– На что жалуешься?

– Я узнала о том, что тебя пригласили на ужин, через полчаса после обеда. Росица девушка умненькая и так бы не поступила.

В тот же момент им на пути попала обсуждаемая служанка. Зареванная и несчастная. Остановившись, Катти вытащила из-за рукава батистовый платок и протянула его Росице. Та с благодарностью кивнула и вытерла слезы.

– Жди меня в комнате, – приказала Катарина.

– Вы не будете от меня отказываться? – поразилась служанка.

– Зависит от того, где ты была, – коротко бросила мора Ровейн.

– Меня в кладовой закрыл кто-то. Пошла за свежими полотенцами для мэдчен, – шмыгнула носом Росица. – Узнаю кто – отомщу. Мэдчен ван Ретт, клянусь, я бы никогда не оставила вас одну собираться на такой важный ужин. Мне же сразу сказали, кого выбрали. Я потому и пошла за полотенцами – ведь надо ванну принять, маски, притирания... Ик.

Икнув, Росица прикрыла рот руками.

– Ты слышала приказ. Выполняй, – бросила мора Ровейн. – Идем, не хватало опоздать.

– Принц Хиллиард не любит ждать?

– А кто любит? – отозвалась мора Ровейн.

На улице смеркалось. Катти крепче вцепилась в трость и прислушалась к растениям – есть или нет по дороге ямки да выбоины. Не было. Не зря садовник получал свои деньги.

– Не буду тебя утомлять советами, – негромко произнесла мора Ровейн. – Принц сложный человек, да и ты непростая. Действуй так, как тебе подскажет сердце. Но помни, бить нельзя не только белаторов, но и принцев.

– А белатор Альтгар еще и неженка-ябеда? – поразилась Катарина. – А он сказал, что осмелел мою внешность?

Мора Ровейн только усмехнулась. И Катти вздохнула: дуэнья явно знала гораздо больше, чем говорила.

Янтарная беседка светилась от обилия мечущихся вокруг нее иллюзорных бабочек. Сладкий цветочный аромат буквально сбивал с ног, а шум искусственного водопада заглушал шорох шагов.

– Хорошо, что ты будешь рядом, – шепнула Катти.

Германика ободряюще улыбнулась и шепнула:

– Но вмешиваться в беседу мне запрещено. Я лишь безмолвный наблюдатель. Меня будет даже не видно.

И мора Ровейн вновь растаяла в воздухе. А Катарина, решительно выдохнув, шагнула вперед, в яркий золотой свет.

Принц Хиллиард поднялся и подхватил ее под руку.

– Вы с тростью?

А Катарина чуть не взвыла – это опять был новый голос. Не тот, что встретил ее и попросил цветок. И не тот, что она подслушала. Но сейчас ей не обязательно молчать:

– Увы, мы неделимы. А у вас изменился голос, мой принц.

– Это амулет, – рассмеялся Хиллиард. – И если вы пройдете Отбор до конца – узнаете зачем он мне нужен.

– Какой прекрасный повод преодолеть препятствия, – вежливо ответила Катти.

Принц отодвинул для нее стул и с интересом спросил:

– А возможность стать королевой – не повод?

Покраснев, Катарина сделала вид, что ничего не услышала. Повторять его высочество не стал.

Невидимые слуги поставили перед ними тарелки. Бутылка с вином будто сама собой поднялась в воздух и наполнила бокалы. Но Катти, осторожно потянувшись к своей силе, насчитала в беседке пятерых человек. Какая прелесть.

– Приятного аппетита, мой принц. Пусть боги благословят нашу пищу.

– Пусть благословят, – эхом откликнулся Хиллиард.

Мэдчен ван Ретт ела аккуратно, отрезала крохотные кусочки мясного суфле и тщательно пережевывала. Принц вел себя чуть свободней – либо он не знал о пятерых наблюдателях, либо был привычен к этому. И Катти бы поставила на второй вариант. Скорее всего наследника престола с детства не выпускали на свободу.

– У вас есть мечты, Катарина? – неожиданно спросил его высочество.

– Есть. – Катти склонила голову. – И я хотела у вас спросить – если белаторы не смогли исполнить мою просьбу до Отбора, смогу ли я обратиться к ним после?

– Да, венец невесты-избранницы дает право на одно желание, – ответил принц. – А что вы просили? Если это не секрет.

– Это очень личное, – мило улыбнулась Катарина.

Еще не хватало сказать в лицо принцу, что она так рада стать одной из его невест, что просила убрать с нее венец. Неизвестно, как он отреагирует. А у нее все же есть мечта.

– Вы очень тактично промолчали о своей мечте. Но я настырный.

– Я очень боюсь сглазить, мой принц, – серьезно, без ужимок ответила Катарина. – Я иду к своей мечте, и сейчас мне могут помешать. Если узнают о ней.

И лишь договорив, Катти задумалась о том, насколько двусмысленно прозвучали ее слова. Учитывая ужин, и Отбор, и все такое прочее... Она поспешила исправить положение:

– Не подумайте, я сейчас не про Отбор. Моя мечта лежит вне замужества.

– Да я уже понял, что желания молодых мэдчен лежат вне Отбора, – с усмешкой отозвался Хиллиард. – Признаться, мы были порядком обескуражены, узнав число невест-избранниц.

– Выбрать не из чего? – посочувствовала Катти и вздохнула, – ничего страшного. Как-нибудь все образуется.

Принц скрыл смех за кашлем. Бутылка вина вновь взлетела в воздух.

– Вы совсем не пьете. Не любите розовое вино?

– Я почти не пробовала вино, – улыбнулась Катарина. – Вкус приятный, но мне не слишком нравится.

Она не стала уточнять, что однажды в предместьях свела близкое знакомство со сливовой наливкой. Ее готовила кухарка, и на день рождения мэдчен ван Ретт, когда родители и брат не приехали, все обитатели крохотного дома собрались на кухне. С тех пор Катарина запретила себе употреблять спиртные напитки.

– Возможно, вам больше понравится сливовое вино.

Катти чуть нервно улыбнулась и покачала головой:

– Я предпочту обойтись, мой принц.

Ей стало не по себе. Рисунок из прошлого, сливовая наливка и предложение принца попробовать сливовое вино. Совпадение? Но откуда в королевском дворце этот сорт? Он считается прерогативой для незнатной части королевства. Все знают: хочешь показать хорошие, аристократичные манеры – хвали кислое розовое вино. У себя в будуаре, с близкими подругами, можешь пробовать что угодно. Но «официальное вино» одно – розовый Ойсинский Грийёд. Кислая, чуть горьковатая дрянь.

С другой стороны, кто осмелится сделать замечание принцу? С третьей – а ей-то что делать?

«Держать лицо и улыбаться», – решила Катарина и, вежливо пригубив поданный бокал, произнесла вслух:

– Интересный букет.

– Никогда раньше не пробовали? – с хитринкой спросил принц.

– Не знаю, мой принц. Может, и пробовала, но забыла, – чуть глуповато улыбнулась Катарина.

Ей вспомнился белатор: «Женщина должна казаться глупее мужчины». Что ж, посмотрим через сколько принц вззоет.

И она начала расспрашивать дерра Хиллиарда Льдовина о том, какой последний роман тот прочитал. И что он думает о научной монографии дерра Освальда, мага и путешественника.

Она просто-напросто не позволяла принцу увести тему разговора в сторону. И постепенно выяснила, что его высочество довольно образованный человек (а как иначе, все же королевское образование), но в основном его знания лежат в сфере экономики и военной истории. В тактике и стратегии Катарина не разбиралась, потому не могла оценить, справедливы ли суждения принца.

Но зато, когда принцу Хиллиарду удалось вывести разговор из «библиотечной зоны», он, не иначе как в отместку, устроил показательное сражение. Между кистями красного и белого винограда. Катарина управляла красными, а принц белыми. И красные потерпели сокрушительное поражение.

– Благодарю за прекрасный вечер, Катарина.

Принц Хиллиард встал, помог подняться мэдчен ван Ретт и на прощание поцеловал ей руку. Катти же присела в чуть неуклюжем реверансе и, развернувшись, пошла к выходу из беседки.

Через пару минут ее догнала хохочущая Германика.

– Я горжусь тем, что ты моя подопечная!

– О чем ты? – удивилась Катти.

– Видела бы ты, с каким выражением лица принц смотрел тебе в спину, – простонала мора Ровейн. – Неописуемо!..

– Но... Он же сказал – благодарю за вечер. Это ведь был сигнал? Ну, что пора уходить? У нас дома после этих слов гости собираются по домам.

Мора Ровейн всхлипнула, утерла выступившие от смеха слезы и постаралась объяснить:

– Принц ожидал, что ты рассыплешься перед ним в комплиментах. Это такая придворная игра.

– И чем заканчивается эта игра?

– Поцелуем, – усмехнулась Германика.

Остановившись, Катарина недоверчиво посмотрела на дуэнью:

– Мы едва знакомы, и сразу целоваться? Разве не твоя забота пресекать подобные вещи? Кстати, а кто еще там был? Я почувствовала пятерых людей. Ты, один слуга, а еще трое – телохранители?

– Вроде того, – ошеломленно выдавила Германика. – Как? Они, да и я... да мы все были под такими щитами!..

– Но вы же дышали, – пожала плечами Катти. – Растения всегда знают, кто и где дышит. Главное – уметь спрашивать. Я просто побоялась, что ты меня оставишь.

Мора Ровейн щелкнула подопечную по носу и вполголоса проворчала:

– Я за тебя отвечаю. И не только перед его величеством. Кстати, принц так растерялся, что забыл взять с тебя клятву о неразглашении. Завтра утром объявят первый официальный конкурс.

Когда Катарина вошла в свою комнату, ее встретила Росица. Уже не зареванная, но по-прежнему изрядно испуганная.

– Мэдчен, – девушка склонилась в поклоне.

– Помогите мне переодеться. Ты ждала меня здесь или искала виновника?

Росица порозовела и честно ответила:

– Второе. Оттаскала дуру за косы.

– Поясни.

– Быть личной служанкой невесты-избранницы не только почетно, но еще и очень денежно. А служанка той мэдчен, что станет женой принца, получит премию. Нас отобрали восемь, а невест всего семь оказалось. Стефания осталась не у дел. Но странно, – Росица таинственно понизила голос, – ведь и покои приготовлены для еще одной невесты. И искали ее. Нам-то, служанкам, хорошо видно, когда по дворцу дознаватели шастают. Это они только мнят себя незаметными.

– Поразительно. А Стефания, не получив места, решила взять все в свои руки и не дожидаться, пока найдется восьмая невеста, – протянула Катарина. – Но почему я?

– Она выбрала по украшениям. Принц подарил вам белое магическое золото. Мне кажется, это не имеет большого значения. А вот Стефка решила иначе.

Росица приготовила для Катти ночную рубашку, а для вечернего приема подруги достала красивый халат.

– И прилично, и очень удобно.

– Накрой нам легкий перекус. Мне от волнения кусок в горло не лез.

Коротко кивнув, служанка вышла. Вернулась она быстро. Поставила тарелку с оладьями, несколько блюдец с вареньем и вазочку, полную шоколадных конфет.

– Чего-то более существенного нет, – развела Росица руками.

– Все хорошо, ты можешь быть свободна.

Мадди была в восторге. Так что свою животрепещущую историю Катти рассказывала под шорох конфетных фантиков.

– Вот так вот я опростоволосилась, – завершила рассказ Катарина. – Ушла, в то время как должна была остаться. Но я не уверена, что захотела бы целоваться с принцем. Мы едва знакомы, да и от одного из блюд исходил стойкий чесночный дух.

– Боишься, что он мог упасть от твоего дыхания?

– Я от него, – поправила подругу Катти. – Пробовать то блюдо мне показалось неразумным.

Вдоволь наговорившись, девушки разошлись спать. И всю ночь Катарине снилось ее почти безмятежное прошлое. Старое поместье, их с нянюшкой флигель. Библиотека и заросший сад. Утром даже спина заныла – как показала практика, с тростью лазать по деревьям нельзя.

Для завтрака Катти выбрала то же платье, в котором и приехала. Росица как раз принесла его, чистое и отглаженное.

– Вы уверены, мэдчен? – спросила служанка.

– У меня все равно нет такого количества платьев, чтобы целый месяц ходить в разном и ни разу не повториться. Завтрак пройдет здесь?

– Да, публичный завтрак будет после конкурса. Но мы, прислуга, я имею в виду, пока не знаем ни даты, ни сути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.